

БАРХАТНАЯ ЧИСТКА : ИСПЫТАНИЯ ЯНА КАВАНА *

Поздним утром 25 ноября 1989 г. через контрольно-пропускной пункт Пражского международного аэропорта попытался пройти только что сошедший с самолета чисто выбритый сорокатрехлетний мужчина, предъявивший британский паспорт, выписанный на имя И.М. Джеймса. В те дни Прага быстро приближалась к апогею "бархатной революции", однако старый режим еще пытался цепляться за остатки власти. Маскировка Джеймса не обманула пограничников: в былые времена он носил бороду, так что ее отсутствие уже было маскировкой. Джеймса, согласно его собственному рассказу, вывели из очереди и препроводили в пустое помещение, где ему пришлось прождать несколько часов, пока из Праги не прибыла группа сотрудников чешской службы госбезопасности, так называемой СТВ. Начался допрос, который продолжался более двенадцати часов и записывался на видеоманитофон. Первые вопросы задавались на посредственном английском, но уже через несколько минут приуставший начальник группы брякнул прямо по-чешски: "Хватит играть в эти игры, пан Каван".

Никакого И.М. Джеймса в природе, и вправду, не существовало. Напротив, Ян Каван был хорошо известной личностью. Двадцатью годами ранее, в дни пражской весны 1968 г., он был популярным студенческим лидером, а позднее, проживая в Лондоне в качестве эмигранта, играл важную роль в организации помощи одному из чешских оппозиционных движений. Посредством хитроумной системы контрабандных операций ему годами удавалось ввозить в страну многие тонны книг, журналов, аудио- и видеокассет, лекарств,

* *Lawrence Weschler. The Velvet Purge: The Trials of Jan Kavan. The New Yorker magazine, Oct. 19, 1992.*

видеокамер, копировальных машин и необходимых для них материалов. В обратном направлении вывозились опять-таки тонны рукописей, политических воззваний и видеозаписей. Впоследствии он основал агентство "Палах пресс", названное по имени Яна Палаха, юноши-студента, сжегшего себя на Вацлавской площади Праги в январе 1969 г. в знак протеста против охватывавшей страну политической апатии. Прямо перед своим выездом из Чехословакии Каван провел несколько часов рядом с больничной палатой, где умирал обожженный до неузнаваемости Палах, который перед смертью через одного из друзей просил, чтобы никто больше не пытался следовать его примеру. "Скажи всем, — прошептал Палах, — что для борьбы нужны живые". Вместе со своими соратниками Каван организовал многолюдные похороны Палаха, и он же договорился с властями о формулировке обращения к потенциальным подражателям Палаха, которое потом сам зачитал по радио. Каван, действуя через созданное им агентство, неустанно распространял за границей сведения о злоключениях своих оставшихся в Чехословакии друзей и союзников, апеллируя к журналистам, редакторам, дипломатам и защитникам прав человека по всему миру, не останавливаясь ни перед чем, чтобы только напомнить о себе и о ситуации на своей родине. Он сам перевел на английский и опубликовал многие важнейшие документы "Хартии-77" и других чешских оппозиционных движений, включая и знаменитое эссе Вацлава Гавела "Сила бессильных", на которое агентство "Палах пресс" получило авторские права. Он был среди основателей журнала "East European Reporter", созданного для освещения эволюции всех просоветских режимов Восточной Европы и возникающих там оппозиционных движений, и немало сделал для установления связей между этими движениями. В общем, это был человек, к которому стекались беды и надежды множества других людей.

Вряд ли можно сомневаться, что при иных обстоятельствах чешская служба госбезопасности извлекла бы

максимум возможного из поимки Яна Кавана. Однако в тот момент оперативникам СТБ было не до него — власть ускользала из их рук с каждой минутой. Как обрадовался Каван, когда около полуночи один из участников допроса угрюмо отошел от телефона, по которому ему сообщили, что госбезопасность только что была вынуждена освободить из тюрьмы Петра Ула, одного из наиболее преследуемых многолетних противников режима. В конце концов Кавана с явным неудовольствием отпустили, хотя и предупредили, что СТБ будет тщательно наблюдать за его деятельностью в Чехословакии и что не исключено его повторное задержание. Каван запомнил слова старшего группы: "Мы не выполняли бы своих обязанностей, если бы не продолжали обсуждать развитие нынешних событий с одним из их главных участников". Через три дня Кавана и вправду задержали на несколько часов для нового допроса. Однако дальше этого дело не пошло, а через несколько дней с СТБ было, казалось бы, навсегда покончено.

Если не считать перерыва на этот второй допрос, Каван практически всю свою первую неделю в Праге (за исключением времени сна) провел в обществе своих друзей и соратников в помещении театра "Латерна Магика", ставшего нервным центром Гражданского форума — только что возникшего политического движения, возглавившего мирное восстание против правительства. Вскоре Каван был поставлен во главе службы по связям с международными средствами массовой информации (здесь ему пришлось заниматься примерно тем же, что он уже делал прежде), а через несколько месяцев он получил награду за свои многолетние труды в виде места в объединенной группе кандидатов от Гражданского форума на парламентских выборах. После легкой победы в одном из пражских округов Каван 27 июня 1990 г. вместе со многими своими старыми товарищами и союзниками принес присягу в качестве депутата Федерального собрания — первого свободно избранного послекommунистического парламента Чехословакии.

То ли из-за эмоционального напряжения, вызванного этим событием, то ли из-за ослабивших его здоровье тягот и трудов предшествующих лет, Каван прямо во время этой торжественной церемонии свалился с сердечным приступом и был унесен из зала на носилках. Второй приступ случился через два месяца. Врачи настоятельно советовали Кавану немедленно оперироваться, но он не хотел об этом и думать — ведь наступили времена, ради которых он жил все двадцать лет своей эмиграции, а фактически, по его словам, гораздо дольше, с того самого момента, когда пятилетним мальчиком увидел, как уводили из дома его отца, Павла Кавана, убежденного члена компартии, сотрудника Министерства иностранных дел, арестованного для дачи показаний на позорном процессе Рудольфа Сланского, который был самым отвратительным преступлением сталинистского режима в Чехословакии.

Павел Каван, бывший во времена своего студенчества в тридцатые годы социал-демократическим активистом, вступил в компартию, живя в Англии, в эмиграции, последовавшей за занятием немцами Праги в марте 1939 г. Его приход к коммунистам был в какой-то мере реакцией на массовый антисемитизм, с которым он столкнулся в частях чешской армии, где он служил во Франции в 1940 г. В то время коммунисты выглядели единственной подлинно интернационалистской чешской партией — они с готовностью принимали в свои ряды даже евреев. В годы своего изгнания Павел Каван все свои силы отдавал борьбе с фашизмом. Тогда же в Англии он встретил молодую учительницу Розмари Эдвардс, ставшую его женой. После войны он вместе с Розмари вернулся в Прагу, но уже через несколько месяцев супруги опять отправились в Лондон, поскольку Павел был назначен пресс-атташе Чехословацкого посольства в Великобритании. Там у Розмари родились два сына — в 1946 г. Ян, а на следующий год Зденек. В 1948 г. коммунисты окончательно пришли к власти в Чехословакии, и Павел Каван стал преданным апологетом нового режима.

В конце 1950 г. семья была отозвана в Прагу, а сле-

дующим летом как-то утром ее глава был увезен из дома сотрудниками госбезопасности. О нем вообще ничего не было известно больше года — вплоть до того дня, когда в ноябре 1952 г. он внезапно появился среди главных свидетелей на показательном процессе по делу так называемого антигосударственного конспиративного центра Рудольфа Сланского. Представленный государственным обвинителем как "сионистский буржуазный националист и титовец", Павел безжизненно-монотонным голосом признался в том, что был одним из ключевых участников предательского заговора, в центре которого находился бывший генеральный секретарь компартии Сланский (посмертно опубликованная автобиография жены Павла Кавана "Дорогая цена свободы" включает главу, которая читается как своего рода конспект "Слепящей тьмы" Артура Кестлера. Розмари описывает цепь мучений, которые вынудили ее мужа пойти на это "признание"). Другие свидетели изобличили самого Павла в том, что он использовал свою лондонскую должность для тайной антигосударственной транспортировки в Чехословакию и из нее различного рода вещей и документов. Одиннадцать из четырнадцати главных обвиняемых, включая и самого Сланского, получили смертные приговоры (почти все они были евреи). Большинство свидетелей по делу Сланского вскоре тоже были сурово наказаны. Павел Каван получил двадцать пять лет концлагерей. Его жену и детей выгнали из их прежнего жилья, лишили почти всего имущества и отобрали былые привилегии. Для них началась жизнь, полная мелких и не таких уж мелких преследований — например, учителя Яна неоднократно публично третировали его как "сына предателя". Павла Кавана освободили после трехлетнего заключения, но его здоровье было полностью разрушено, и через четыре с половиной года после этого он в сорокапятилетнем возрасте скончался от инфаркта. Его старшему сыну Яну было тогда тринадцать лет.

Ян Каван часто говорил, что с того самого момента он посвятил свою жизнь отмщению за убийство отца (он

считал его смерть именно убийством) и уничтожению того режима, который сломал жизнь Павлу Кавану и еще очень многим людям и в котором Ян видел извращение социалистического идеала. Самого себя он всегда считал убежденным сторонником демократического социализма (единственного, по его мнению, подлинного социализма). Этим взглядам он не изменил и в 1990 г., что поставило его в оппозицию к абсолютному большинству парламентариев, которые настолько поправили, что в своей вере в спасительные возможности свободного рынка оставили далеко позади даже Маргарет Тэтчер. Каван, непосредственно наблюдавший тэтчеризм в Англии, не уставал выражать сомнения относительно этих возможностей, что он делал весьма умело и настойчиво. Это многих раздражало, но все же работа Кавана в парламентском подкомитете по международным делам встречала всеобщее признание и одобрение.

Тем временем он влюбился. По его собственным словам, после двадцати лет без всякой личной жизни он, наконец-то, мог обрести нормальное существование, жениться, обзавестись семьей. Его невеста, моравская студентка Ленка Мазлова, была двадцатью годами моложе жениха. Они познакомились всего за несколько недель до начала "бархатной революции" во Вроцлаве на фестивале чешско-польской солидарности, который Ян помог организовать. Когда Ян прилетел в Прагу, Ленка была вместе с ним в театре "Латерна Магика". Поскольку Ленка родилась как раз тогда, когда Ян покинул Чехословакию, люди шутили, что он все начинает заново в точности с прежней позиции. 16 марта 1991 г. в солнечный весенний день их удивительно радостной свадьбы, которую праздновали в шикарном ресторане на холме над тихой рекой Влтавой, невеста была откровенно беременной (их дочь родилась уже в середине лета). Ян выглядел совершенно счастливым и умиротворенным — никто никогда его таким не видел.

Однако СТБ отнюдь не исчезла бесследно — она существовала в воспоминаниях людей подобно дурному сну, от которого стране еще только предстояло осво-

бодиться. Люди стали мысленно возвращаться к необыкновенным ноябрьским дням 1989 г., когда то, что началось просто как студенческая демонстрация, всего через несколько недель привело к окончанию эры тоталитаризма, и их стал точить червь подозрительности: каким чудом все совершилось так легко, почти как если бы этот исход был заранее спланирован? Быть может, думали многие, это именно так и было? Другие ни в чем не сомневались — конечно же, все должно было готовиться заблаговременно. У всех на слуху была такая версия ноябрьских событий: они были полностью срежиссированы службой госбезопасности, включая их начало — бессмысленное и демонстративно-кровавое подавление мирной студенческой демонстрации 17 ноября, сыгравшее роль катализатора последующего публичного возмущения. Теперь разгон этой демонстрации казался типичной умело организованной провокацией, с помощью которой один из краеугольных камней старого режима, вездесущий аппарат СТБ, сумел покончить с его менее удачливыми частями, — а все остальное было попросту закулисной игрой.

Изучение всех явных и тайных событий, которые привели к установлению в Чехословакии, как предполагалось, нового режима, было доверено парламентской комиссии из пятнадцати членов, названной Комиссией 17-го ноября. Когда она начала работу, слухи продолжали разрастаться как снежный ком. Говорили уже не только о том, что революция была делом рук СТБ, но и о том, что органам госбезопасности удалось наводнить новый парламент своими бывшими агентами и осведомителями, что среди законодателей можно найти множество лиц, обязанных или готовых следовать секретным распоряжениям законспирированного высшего командования, а также лиц, настолько скомпрометированных своими прошлыми связями с чешской охранкой, что их можно было путем шантажа заставить выполнять все ее приказы. Парламент внезапно оказался перед лицом кризиса легитимности, и в результате 18 января 1991 г. подавляющим большинством голосов принял резолюцию,

поручающую Комиссии 17-го ноября провести поголовную проверку всех без исключения депутатов на предмет их возможных связей с СТБ, используя для этого ее засекреченные архивы. В случае обнаружения документов, инкриминирующих тех или иных парламентариев как бывших сотрудников или осведомителей госбезопасности, применялась следующая процедура: подозреваемым давали возможность ознакомиться с уличающими их сведениями, после чего они могли в течение пятнадцати дней без шума подать в отставку. В противном случае по истечении этого срока им угрожало публичное разоблачение. Возможно, в душе Каван был не совсем согласен с этой резолюцией, но, по его собственным словам в те дни, он "не хотел заседать вместе с людьми, виновными в преследовании его товарищей".

Месяцем позже, 22 февраля, комиссия вызвала самого Кавана. Он увидел четырех людей, восседающих за прямоугольным столом, и один из них, Станислав Деватый, которого Ян считал своим другом и в чью поддержку он в 80-е годы организовал несколько кампаний, сообщил ему, что его имя фигурировало в тайных архивах СТБ вместе с его агентурной кличкой Като и другими инкриминирующими сведениями. Поэтому Кавану было предложено в течение пятнадцати дней самому подать в отставку.

Деватый уточнил, что сохранилась лишь небольшая часть личного досье Кавана, заведенного на него госбезопасностью: большинство материалов, содержащихся в этом досье, как и в делах почти всех ведущих оппозиционеров, неизвестно кем и когда были похищены или уничтожены. Однако было вполне достаточно того, что сохранилось: более пятисот страниц документов, детально фиксирующих активное сотрудничество Кавана с органами госбезопасности в 1969 и 1970 гг. Например, в его деле якобы сохранились документированные данные, фиксирующие обстоятельства его первоначальной вербовки сотрудниками СТБ в январе 1969 г., вскоре после самоубийства Яна Палаха. Кавана тогда задержали по обвинению в нарушении правил валютных

операций при попытке покинуть страну для продолжения годичного обучения в Оксфорде. Каван в течение двух предшествующих лет уже несколько раз ездил за границу, будучи, по общему признанию, одним из активнейших международных представителей групп студенческой радикальной оппозиции как до так и после вторжения в Чехословакию войск пяти стран Организации Варшавского договора в августе 1968 г. Он выступал на различного рода форумах в столь удаленных друг от друга местах как Лондон, Париж, Чикаго, Беркли, Будапешт и Дубровник. Однако в тот далекий январский день он впервые подвергся аресту; все его деньги и, что гораздо важнее, его заграничный паспорт были конфискованы; внезапно оказалось под угрозой и его оксфордское образование.

Как утверждал теперь Деватый, из досье Кавана вытекало, что именно тогда с ним впервые вступил в контакт агент СТБ по имени Станислав Патейдл (агентурная кличка Павласек). Дело выглядело так: Патейдл якобы пообещал Кавану вытащить его из этой неприятности, иначе говоря, устроить так, чтобы тому вернули загранпаспорт и разрешили вылететь в Лондон — разумеется, в обмен на его будущее сотрудничество. Кавана обвели в том, что он, струхнув, согласился на это предложение и в Лондоне почти сразу вышел на связь с коллегой Патейдла из чехословацкого посольства в Великобритании, неким Франтишекком Зайичеком (кодовое имя Захистал), работавшим под видом атташе по вопросам образования. В течение следующего года имело место свыше сорока таких встреч, во время которых Каван давал самую подробную информацию как на своих знакомых в студенческой среде, так и на главных английских союзников чешской оппозиции, включая таких известных деятелей как писатель и журналист Уильям Шоукросс и студенческий лидер Ричард Молиньо. Он якобы не раз действовал таким образом, чтобы приглушить или даже, где это было возможно, направить в ложную сторону массовые демонстрации протеста против усиливающихся ограничений политических свобод

в Чехословакии. Досье обрывалось на лете 1970 г., так что невозможно было сделать никаких выводов о последующей деятельности Кавана. Однако, с точки зрения комиссии, имевшихся в его деле документов было совершенно достаточно для установления его виновности.

Каван захотел увидеть эти материалы и получил решительный отказ — все документы не подлежали оглашению. Он спросил, каким образом он мог бы оспорить выводы комиссии, но оказалось, что никаких возможностей апелляции закон вообще не предусматривал. Кавану оставалось либо смириться с ее решением и в течение пятнадцати дней без шума подать в отставку, либо быть опозоренным перед парламентом и всей страной.

Потрясенный Каван не признал практически ни одного обвинения. Покинув заседание комиссии, он немедленно стал звонить друзьям, прося их о помощи. Один из них, Петр Ул, тоже ставший депутатом парламента, немедленно организовал собственное секретное расследование этого инцидента, которое показало, что дело было совсем не столь простым и однозначным, как утверждали Деватый и остальные члены комиссии. Все архивы Второго управления СТБ, занимавшегося вопросами внутренней безопасности, содержались в отменном порядке, включая и весьма полную генеральную картотеку, заведеную на людей, которыми в разное время интересовалась госбезопасность. Содержащиеся там сведения довольно однозначно характеризовали этих людей как секретных агентов, осведомителей, подозреваемых, либо, наконец, явных противников режима. (Правда, оставался открытым вопрос, все ли эти записи были точными, на чем они основывались и что означали.) В соответствии с парламентской инструкцией, Комиссии 17-го ноября следовало использовать для расследования архивы именно Второго управления, которые вообще не содержали сведений о Каване. Однако члены комиссии по своей собственной инициативе обратились к архивам Первого управления, занимавшегося зарубежной агентурой, разобраться в которых было гораздо труднее. Генеральной картотеки там

вообще не существовало, а индивидуальные досье были изрядно сдобрены всякого рода загадочными сокращениями. Например, в обнаруженном комиссией деле Кавана рядом с кличкой Като стояла пометка ДС, и никто не мог сказать, что именно она обозначала. Да и само досье было далеким от ясности: при одном прочтении из него вытекало, что Каван мог и не подозревать, на кого в действительности работали Патеядл и Зайичек, при другом — что он просто не мог этого не знать.

Вероятно, комиссия надеялась, что обвиненный Каван попросту уступит ее требованиям, так что его неуступчивость повергла ее членов в изумление. В течение целого месяца они неоднократно и под большим секретом встречались с Каваном и его доверенными друзьями, пытаясь найти выход из возникшего тупика. Ко дню свадьбы Кавана, 16 марта, казалось, что комиссия решила все же воздержаться от публичных обвинений. 18 марта Кавану, наконец, разрешили самому ознакомиться с частью его досье, шестидесятью страницами из пятисот — на условии, что он оставит дверь открытой и не будет ничего копировать. 21 марта комиссия вновь до самой ночи обсуждала его дело. В конце концов, шестью голосами против пяти при четырех отсутствующих было решено выдвинуть против Кавана публичные обвинения.

На следующий день представитель комиссии Петр Томан зачитал перед парламентом имена десяти разоблаченных ею агентов — Каван стоял в этом списке на пятом месте. Через несколько минут Каван выступил с парламентской трибуны с речью, которую телезрители могли видеть и слышать по всей стране. "Я страстно надеюсь, что хотя бы некоторые из вас смогут отнестись с доверием к тому, что я собираюсь сказать, — начал Каван, и в этот момент тридцать пять депутатов покинули зал заседаний. — Я осужден не на восемь недель или восемь лет заключения, — продолжал Каван, — но на то, чтобы до конца моей жизни носить клеймо человека, сотрудничавшего с секретной полицией".

Кавану было тогда немногим меньше сорока пяти лет — как раз тот возраст, когда жизнь его отца оборвалась

из-за сердечного приступа, причиненного целой серией поразительно похожих обвинений в предательстве.

* * *

"Кто-то, по-видимому, оклеветал Я. К., потому что, не сделав ничего дурного, он попал под арест". Этой цитатой из "Процесса" Кафки я начал свою опубликованную через несколько месяцев статью о деле Кавана. Аллюзия с Кафкой пришла в голову не мне одному, и уж тем более не я один писал об этом деле в газетах. После высказанных в его адрес публичных обвинений Каван сразу же активизировал свои международные контакты, которые у него сложились во времена, когда он руководил агентством "Палах пресс". Уж если Каван чем-то владел в совершенстве, так это искусством рассылать сигналы о помощи. Факс для него — все равно что рояль для Горовица. Всего за несколько дней Каван собрал по факсу множество заявлений известных журналистов и парламентариев из разных стран с самыми высокими оценками его неустанных усилий; среди ответивших ему деятелей печати были Эдвард Мортимер, Нил Акерсон, Кристофер Хитченс и Уильям Шоукросс (все они также высказались о деле Кавана в средствах массовой информации), среди политиков — сенатор Пол Саймон и председатель подкомитета по правам человека Европейского парламента Кен Коатс. Лично мне довелось знать Кавана много хуже, чем большинству этих людей, но в своей работе я регулярно использовал неизменно надежные сообщения его агентства. Мне также доводилось самому быть объектом его страстных призывов и упреков. Последний раз, как я припоминаю, это было в начале 1989 г., в связи с двумя голодовками Станислава Деватого; в этом, как и в других случаях, Каван всегда вопрошал, *почему я не реагирую с надлежащей силой?*

В апреле 1991 г. Каван ненадолго приехал в Америку и зашел ко мне в редакцию, чтобы рассказать о последних шагах по своему делу. Это невысокий и довольно

полный человек с похожей на грушу фигурой и большой лысоватой яйцеобразной головой. Он странным образом кажется одновременно и неряшливым, и претенциозным. Он начал с воспоминаний о том, как был потрясен, когда комиссия впервые предъявила ему обвинения. "Вдруг они без всякого предупреждения обрушили на меня все эти имена. Я с легкостью вспомнил многих названных ими англичан, моих друзей и единомышленников, но большую часть чешских имен я уже давно позабыл, даже если когда-то их и знал. Например, Патейдл — я смутно припомнил человека с таким именем, назвавшегося сотрудником Министерства иностранных дел. Он имел со мной дело, когда в январе 1969 г. конфисковали мой паспорт. Но мне тогда приходилось общаться со множеством людей, и я, вне всякого сомнения, не заключал с ним никакой сделки, да в этом и не было нужды. Тогда были сотни подобных случаев, и мой разрешился сам собой. Тогда все было совсем не так просто и однозначно, как это кажется сегодня. Не забудьте, что реформист Александр Дубчек формально еще был у власти. Русские пытались лишить его поста после их вторжения в августе, но сразу это не получилось, и они на время отступили. Звезда Густава Гусака была на подъеме, но и он в то время еще не выглядел столь уж скверно — в конце концов, он тоже пострадал в свое время по делу Сланского, и даже сидел в одной тюремной камере с моим отцом. Кто мог бы предвидеть, что именно он будет на самом верху удушающей "нормализации", продолжавшейся без малого двадцать лет?"

"Что же касается Зайчека, — продолжал Каван, то его я, действительно, помнил. Видите ли, даже проживая в Англии, я оставался одним из руководителей СВС (Союза студентов Богемии и Моравии), который тогда еще не был распущен. Естественно, что в этом качестве я поддерживал самые разнообразные контакты с посольским атташе по вопросам образования, — скажем, занимался продлением виз чешских студентов, оказавшихся тогда в Англии в довольно беспомощном положении.

Во время наших встреч Зайчек намекал на свои тайные симпатии к Дубчеку и вообще держался очень дружелюбно. В этом не было ничего особенного: чистки так называемой нормализации еще по-настоящему не начались, и в дипломатическом ведомстве Чехословакии, возможно, даже в самой СТБ, все еще работали сотни, если не тысячи, сторонников линии Дубчека. Кстати, карьера Зайчека в Англии закончилась его отзывом в конце лета 1970 г., и кто знает, по каким причинам. Это правда, что в своих беседах мы подчас заходили довольно далеко. Но я ни разу не раскрыл ему никаких секретов и не сообщил ничего такого, что могло бы кому-то повредить. Как я мог знать, что он записывал на пленку для передачи СТБ все мои слова, дополняя их подчас своими собственными вымыслами?"

Каван сказал, что он ни от кого не требует верить ему на слово, но имеет право на нормальное разбирательство своего дела с вызовом свидетелей и перекрестным допросом обвинителей. Он сообщил, что пытается обнародовать свое досье, но снабдив его собственными детальными комментариями. Однако соответствующие власти отказывались на это пойти, ссылаясь на священную секретность содержащихся там документов. В то же время они сами не раз допускали утечку содержащейся там информации, вырванной из общего контекста и иногда сильно вредящей репутации Кавана. (Позднее все триста членов парламента получили возможность ознакомиться со всеми без исключения материалами этого досье.) Каван прибегнул к единственно возможному для него средству юридической защиты, возбудив против министерства внутренних дел дело о диффамации в пражском городском суде, но в хаосе посткоммунистической юриспруденции оно было где-то похоронено. Все считали, что его упрямое нежелание подать в отставку было вызвано только лишь стремлением сохранить депутатское жалованье. Поэтому он заявил об отказе от него на все время своего пребывания в парламенте. Это был благородный, но довольно катастрофический для человека в его положении жест — у Кавана не было ни на-

коплений, ни других источников дохода, а на его руках были жена и маленький ребенок. Его стали злобно оскорблять по почте, причем не обошлось без особенно травмировавших его антисемитских писем и карикатур (он мне показал образцы этой корреспонденции). Более того, некоторые прежние союзники, в том числе и люди, утверждавшие, что они верят в его невиновность, теперь советовали ему уступить и подать в отставку.

"Весь этот процесс выявления связей с СТБ и дekomмунизации сейчас страшно политизировался, — сказал мне бледный и трясущийся Каван. — Страна явно движется к краху. В чешских землях люди разом порвали со своей прежней коммунистической номенклатурой, или, по крайней мере, пытаются это сделать, в то время как в Словакии прежние аппаратчики, среди которых немало прямых бандитов и воров, обрели новую жизнь, перерядившись в националистические одежды и выставив себя защитниками прав словаков. И в федеральном парламенте, и в словацком законодательном собрании эти люди вмешиваются во все и ставят палки в колеса любым полезным начинаниям. В итоге дела вообще не двигаются, а именно этого они и хотят. Ситуация просто ужасная. Есть немало честных людей, среди них и кое-кто из моих старых друзей, которые уверены, что единственный выход из этого тупика состоит в полном раскрытии длительных связей множества словацких политиков этого сорта с органами старой госбезопасности — ведь многие из них действительно имели такие связи. Кое-кто подозревает в этом даже их лидера Владимира Мечияра, хотя сам я в этом не уверен. Как бы это ни было, ключевой момент предлагаемой стратегии именно в этом".

"В такой-то ситуации внезапно всплывает мое дело, свидетельствующее, в чем я лихорадочно пытаюсь всех убедить, о серьезных дефектах процесса выявления бывших связей СТБ. И вот все эти добропорядочные люди приходят ко мне и с полным уважением заявляют: «Послушайте, мы прекрасно понимаем, что в вашем деле были допущены ужасные ошибки. Но неужели вы не мо-

жете не афишировать их, оставить все как есть, тихо уйти со сцены ради блага родины?» А для меня, — продолжал Каван, — самое ужасное во всем этом то, что когда-то следователи госбезопасности в точности такими же аргументами пытались убедить моего отца дать нужные им показания: «О да, конечно же, вы верный член партии, и теперь именно поэтому вы должны подписать признание — для высшего блага партии». Но меня на эту удочку не поймаешь".

Вскоре Каван вернулся в Прагу. Я написал статью о его случае, напечатал ее в "Вашингтон Пост" и занялся другими делами. Ситуация, в которую попал Каван, при всей ее бедственности, все же оставляла впечатление чего-то несерьезного: здесь явно виной всему была чья-то ошибка. Как только страсти утихнут, это станет для всех очевидным и Каван сможет вернуться к своей столь им заслуженной политической карьере. Однако этого не произошло. В течение года, прошедшего после нашей встречи, до меня доходили кое-какие малообнадеживающие слухи о деле Кавана, которое к весне 1992 г. выглядело даже более безнадежным, чем прежде. За всем этим явно крылось что-то, чего я не понимал, поэтому я решил направиться в Лондон и Прагу.

* * *

К тому времени я уже был готов к любым неожиданностям, хотя и не ждал никаких особых сюрпризов. Эта моя уверенность очень скоро рухнула, поскольку я быстро понял, что Каван был куда более сложной фигурой, чем я первоначально предполагал — или, во всяком случае, вызывал у тех, с кем общался, в высшей степени непростые и противоречивые чувства. Его деятельность в 1969-1970 гг. играла при этом относительно небольшую роль: сама суть его характера и особенностей его карьеры просто взывали к вниманию исследователя.

У него хватало и друзей, и доброжелателей, в особенности из числа тех, на кого он, как считалось, давал ин-

формацию в 1969 и 1970 гг. Многие из них считали все обвинения против Кавана попросту нелепыми. Эдвард Мортимер, который сейчас руководит иностранным отделом газеты "Файнэншл Таймс", припомнил в беседе со мной, что в былые времена многие английские активисты миротворческих движений не доводили свое осуждение вторжения войск пяти стран Организации Варшавского Договора в Чехословакию до осуждения самого Советского Союза, поскольку они боялись сыграть на руку открытым сторонникам холодной войны. "Пусть это странно звучит в свете выдвигаемых против него обвинений, — заметил Мортимер, — но я точно помню, что Каван всегда принадлежал к числу сторонников наиболее радикальных массовых акций протеста с откровенно анти-советским звучанием".

"Вот что я вам скажу, — заявил мне Уильям Шоукросс. — Допустим, Каван действительно все это время работал на СТВ. Но это означает только, что служба госбезопасности сама осуществляла многолетнюю операцию, которая в конечном счете сильно подтолкнула крушение коммунизма в Чехословакии".

Но вот что интересно: даже превознося деятельность Кавана, мои собеседники часто весьма критически отзывались о его организационных способностях, о порядке в его скромной муниципальной квартире, о его умении ладить с людьми. "У него была просто сверх-естественная способность все усложнять и запутывать, — огорошил меня профессор политологии Вестминстерского университета Джон Кин. — Вам никогда не удастся нейтрализовать все нынешние нападки на Яна, просто апеллируя к тому, что он отличный малый".

"Он трудился так неистово, что его возмущало, когда другие не вели себя так же, и он всегда был склонен указывать людям на их ошибки. — Это слова Джоанн Лэнди, исполнительного директора нью-йоркской организации "Кампания за мир и демократию". — Он был чертовски результативным в своей работе, но в то же время безжалостным и неблагодарным. И это при том, что я соглашалась с его взглядами и действиями. Вообразите, что было бы в противном случае!"

Недовольство Каваном и в Лондоне, и в Праге в немалой степени проистекало именно из его способа вести дела, например из тех методов, которыми он пытался установить связи между западными антиядерными движениями и восточноевропейскими диссидентами. "Мне он с самого начала показался подозрительным, — сказал мне в своем кабинете в Лондонском университете консервативный политолог Роберт Скрутон, давний активист Фонда Яна Гуса и защитник чешской свободы. — Я никогда не видел в нем агента — возможно, именно потому, что он уж очень на него походил и своим видом, и своими действиями, не говоря уже о вполне естественных подозрениях, вытекавших из коммунистического прошлого его семьи. Но его тяга к миротворческим движениям мне никогда не импонировала. Ему следовало бы знать, в какой степени все они были связаны с КГБ и насколько помощь им на Западе оборачивалась выигрышем для этой организации". Каван, конечно, утверждал прямо противоположное: только объединение диссидентских движений по обеим сторонам железного занавеса поможет разорвать порочный круг взаимно усиливающих друг друга гонок вооружений и тоталитарных репрессий. Но на таких позициях стояли лишь немногие чехи как в самой стране, так и в эмиграции, так что эти взгляды не могли принести Кавану много друзей.

В доступных мне описаниях Каван представал человеком в высшей степени неуступчивым, даже мстительным и к тому же склонным к почти маниакальной секретности. Я встретил множество людей, для которых сотрудничество с ним в конце концов стало невыносимым. Один из них, Джордж Иоффе, в 1973-1976 гг. активно работавший вместе с Каваном в качестве менеджера и курьера при агентстве "Палах пресс" на заре его деятельности, сказал мне следующее: "Ян наделен загадочной способностью наживать себе врагов. Он просто не может вытерпеть, если кто-то знает больше, чем он сам, — в таких случаях он начинает выказывать этому человеку недоверие, делается скрытным, неуважительным, и все это неизбежно заканчивается конфликтом".

Несколько моих собеседников описывали Кавана как патологического лжеца, причем обычно это были люди, прежде его боготворившие. Иржина Шиклова, пражский социолог, которая несколько лет с конца 70-х до начала 80-х годов была главной фигурой в распространении публикуемых Каваном материалов в Чехословакии, говорила мне, что у чешских диссидентов всегда было с ним немало проблем. "Его деятельность была для нас страшно важной, — сказала Шиклова, — но до нас постоянно доходили пугающие сведения о стиле его работы. Мы постоянно выводили на него людей, собирающихся выехать на Запад; да, говорили мы им, с ним трудно иметь дело, но он совершенно незаменим и явно страшно перегружен. А кончались все эти попытки всегда одинаково. Все наши эмигранты после первых встреч просто влюблялись в Кавана и в своих письмах домой расписывались в своем восхищении и обвиняли нас в предвзятости. Но уже через полгода они называли его чудовищем и упрекали нас в том, что мы их не предупредили должным образом о его невозможном характере. То же самое было и с его любовницами. Его личная жизнь была невероятно беспорядочной. Он использовал своих подружек, присылая их сюда в качестве курьеров. Они часто влюблялись в Чехословакию и продолжали бывать здесь и после того как он давал им отставку. У меня тут была комната, которую я в шутку называла кабинетом по оказанию психологической помощи бывшим возлюбленным Яна Кавана — они приходили туда, чтобы поплакаться у меня на груди, и какие это были страсти, какие мучения! Я слушала их, и мне было смешно, поскольку передо мной все время маячил вопрос: "Боже мой, да что же такое они все в нем нашли?"

Одна из бывших подруг Кавана объяснила мне это так: "Он все время играл на своих слабостях: как же, он так перегружен и так одинок, и только ты одна можешь помочь ему достигнуть великую цель, в чем бы она ни состояла. Было просто невозможно побороть в себе желание обещать и защитить этого человека. Позднее эта странная картина начинала нарушаться маленькими

несообразностями. Он начинал без всякой причины кое-что рассказывать о других женщинах, конечно, обвиняя в разрыве их и только их. Рано или поздно он попадался на самой беспардонной лжи, и тут уж нельзя было не раскрыться всей правде. Кое-какие черты личности Кавана были присущи лишь ему самому, но с годами я стала понимать, что многое в его поведении было типично для чехов. Это постоянное смешение личного и политического очень точно описано у Милана Кундеры. Такова была вся их культура, замешанная на лжи и непреодолимом стремлении к скрытности".

Скрытность — слово, которое я чаще всего слышал в связи с Каваном. Кажется, он мог одновременно заниматься реализацией множества различных планов. (Говорили также, что у него есть несколько незаконных детей, но никто не знал, сколько именно.) Денежные дела Кавана были столь же беспорядочны: его контрабандные операции постоянно осуществлялись на грани финансового краха, который ему еле-еле удавалось предотвращать в самый последний момент и нередко крайне сомнительными средствами. Например, один разочаровавшийся в нем бывший единомышленник рассказал мне такую историю. Однажды кто-то подарил Кавану для отправки в Чехословакию копировальную машину, а еще кто-то тогда же пожертвовал деньги на приобретение такой машины. Каван попросту "купил" у самого себя подаренный ксерокс и прикарманил деньги. По уверению моего собеседника, такие вещи он продавал постоянно.

Возможно, во всем этом Ян никого так не напоминал как своего собственного отца — во всяком случае, если судить по автобиографии его матери Розмари. Павел Каван изображен там как грубо немногословный, властный, неблагодарный и чрезвычайно скрытный трудоголик (правда, все же не бабник). Я спрашивал Эдуарда Голдштюкера, старого друга и коллегу Павла Кавана, верна ли эта картина, и тот согласился, что в ней что-то есть, хотя и сделал оговорку, что в отце все эти черты были представлены не столь жестко, как в сыне: "Он все же не

делал себе из людей таких непримиримых врагов, как Ян, — заметил Голдштюкер. — Над ним знакомые все же чаще подсмеивались — ну, это же Павел, что вы от него хотите? Но я думаю, что кое-какие черты в натуре Яна вы ухватили верно, причем это относится не только лично к нему, но и ко многим другим детям «поколения Сланского» — они чувствуют потребность как бы довести до конца недожитые жизни своих идеализируемых ими отцов. Но в этой своей идеализации они превышают все разумные мерки. Это можно сказать и о Яне. Его отец был человеком самоуверенным и амбициозным, но в Яне эти черты развились до таких представлений о значительности своей особы, которые далеко превышают амбиции его отца. Он верит в свое великое предназначение, а это весьма взрывной и опасный комплекс».

О том же говорил и Джордж Иоффе. «Я думаю, — заметил он, — что поведение Яна во многом объясняется тем, что он безмерно идеализировал своего сидевшего в тюрьме отца, который, вернувшись домой, показал себя человеком весьма жестким, бесцеремонным, пренебрежительным. Сына он постоянно критиковал за то, что мальчик не соответствовал тому идеальному образу, который сложился у отца за годы заключения. А потом он внезапно умер, так что у Яна не было времени сблизиться с отцом и изменить его отношение к себе. Ему потом удалось добиться многого, но у него никогда не проходило чувство горечи и отчаянное стремление доказать отцу и после его смерти, что он не стал таким неудачником, каким его считал Павел».

Заместитель директора группы Human Rights Watch Кеннет Рот в разговоре со мной как-то заметил: «Своим чрезмерным ковбойством Каван отдалил от себя многих участников движения за соблюдение прав человека. С другой стороны, возможно, оно было необходимо для достижения столь отличных результатов». Говоря о «ковбойских» чертах Кавана, люди часто имели в виду его постоянную готовность вновь и вновь самому пересекать с паспортами на различные имена железный занавес. Паспорт на имя Джеймса, использованный им

для прилета в Прагу в ноябре 1989 г., отнюдь не был единственным в своем роде. Эти эскапады заставляли людей преклоняться перед Каваном, но и возбуждали подозрения, со временем все более глубокие — это особенно заметно в нынешней ретроспективе. Люди спрашивали, как ему удавалось все это проделывать так часто и так легко. Возникла мысль, что его защищали какие-то спецслужбы, возможно даже, их спецслужбы».

Под конец нашей беседы Иоффе сделал еще одно замечание: «Хотя я порвал с Яном и с давних пор сильно не влюбил его, — сказал он, — хотя я на много лет прекратил с ним всякое общение, я все же никогда не подозревал его в том, в чем его обвиняют сегодня. Судя по всему, его деятельность направлялась и управлялась довольно сложным набором побуждений, подчас даже казалось, что основой всего у него была потребность в самопожертвовании. Я никак не могу поверить, что он все время вел изощренную и циничную двойную игру с чехословацкой тайной полицией». Тут Иоффе помолчал и потом добавил: «Хотя не исключено, что в такую игру он мог играть с самим собой.»

* * *

В центре всех споров вокруг прошлого Кавана был один инцидент, имевший место в конце апреля 1981 г., или, точнее, его последствия. К этому времени Каван с успехом организовал свыше сорока контрабандных операций в Чехословакию и из нее (в среднем по одной каждые три-четыре месяца), используя для этого специально переделанные трейлеры, оборудованные секретными грузовыми отсеками, способными вмещать даже копировальные машины. Но в тот апрельский день чешские таможенники что-то заподозрили и остановили один из кавановских грузовиков для детального осмотра. Водители-французы ухитрились проглотить большую часть секретной корреспонденции, которую они держали при себе, но весь остальной груз, включая несколько сотен экземпляров запрещенного в Чехословакии париж-

ского эмигрантского журнала "Svedectvi" ("Свидетельства") попал в руки властей. Через пару недель СТБ использовала этот случай в качестве предлога для сильнейшего удара по значительной части чешского оппозиционного движения. Среди арестованных оказалась и Иржина Шиклова, та самая, что служила главным связным Кавана в Чехословакии. Задержаны были (кто ненадолго, кто на неопределенное время) и многие ее знакомые, включая таких ветеранов оппозиции как Иржи Румл и его сын Ян, Иржи Хайек, жена Вацлава Гавела Ольга и его брат Иван, Иржи Мюллер и Карел Кинцл.

Пока чехословацкая пропагандистская машина разогревалась для, казалось бы, неминуемого большого показательного процесса, Каван у себя в Лондоне действовал все более лихорадочно. Он еще до этого пытался убедить молодого английского телерепортера Джулиана Мэниена сделать передачу о его чехословацких сподвижниках. После задержания трейлера Мэниен, буквально захваченный эффе́ктно́стью этой истории и особенно ее секретно-авантюрным содержанием, согласился снять такой репортаж. Он отправился в Прагу для репортажей с места (и скрытых видеозаписей). После этого он вроде бы убедил Кавана (кто кого убедил на деле — одна из самых больших загадок этой истории) отправиться в Париж и сняться в аэропорту имени Шарля де Голля в инсценированной беседе с водителями фургона, заново воспроизводящей их первоначальную беседу. Итогом этого была получасовая программа, выпущенная в эфир Телестудией "Темза" 25 июня 1981 г. под заголовком "Последняя встреча?" Передача, с симпатией описывающая отчаянное положение чешских политзаключенных, была сделана мастерски — от экрана было невозможно оторваться. Однако по ходу передачи Мэниен сказал (если верить Кавану, этих слов не было в сценарии), что французские водители "имели на руках имена и адреса проживающих в Чехословакии связных секретной организации Яна Кавана", добавив затем, что все эти сведения теперь попали в руки чешской полиции, которая таким образом получила "достаточно сведений

для того, чтобы начать массовые аресты, что ей уже давно не терпелось сделать".

Каван был потрясен и взбешен. По его уверениям, всего этого у водителей не было хотя бы потому, что ничего такого в природе вообще не существовало да и не могло существовать, поскольку безопасность всех его операций на том и основывалась, что он сам в каждый отдельный момент всегда имел дело лишь с одним связным на месте и совершенно не знал остальных членов той сети, по которой распространялись ввозимые материалы. Он клялся и божился, что в трейлере не было никаких списков и никаких незакодированных имен. Он заявлял, что все, кто утверждает обратное, не только порочат его репутацию, выставляя причиной арестов его собственную неосторожность, но также безответственно ставят под угрозу его арестованных соратников — ведь теперь чехословацкий режим сможет попросту сфабриковать такие списки, ссылаясь при этом на авторитет британского телевидения как на доказательство их аутентичности.

Английские друзья Кавана убеждали его бросить все это дело. Да, признавали они, телепередача кое-что подпортила, но все же, вероятно, вред от нее был не так велик, как ему казалось, да и некоторая польза тоже имелась. Однако успокоить Кавана не удавалось — напротив, он все больше выходил из себя. (Возможно, его неуступчивость объяснялась и тем, что его горячо любимая мать умирала тогда от рака и этот скандал омрачил те немногие дни, что ей еще оставалось прожить.) Он обратился в газету "Санди Таймс", которая в ноябре поместила громовую статью "Телеложь", поносящую как самого Мэниена, так и его передачу. Затем Каван подал формальную жалобу в квазиофициальную комиссию, занимающуюся разбором претензий к радио и телевидению, так называемую Би-Си-Си. После этого положение сразу осложнилось для всех, особенно для Павла Тигрида, знавшего, что по крайней мере *один* список в трейлере все же находился (сам он был этим особенно разгневан). Мы разговаривали с Тигридом

в его элегантном кабинете в Пражском кремле, который он после сорокалетнего изгнания, проведенного преимущественно во Франции, до недавнего времени занимал в качестве советника президента Гавела. "Я же *предупреждал* Кавана, — сказал Тигрид, — чтобы он ни в коем случае не отправлял вместе с экземплярами "Свидетельств" наклейки с адресами подписчиков. Их следовало посылать с особым курьером. Но он, как всегда, не обратил на это внимания, так что этот список, по всей вероятности, попал в руки полиции".

Тигрид оказался в особенно сложном положении, когда в Париже к нему обратились адвокаты Мэниена с просьбой, чтобы он направил Би-Си-Си письменные показания в поддержку Мэниена. Он выпутался, сославшись на то, что положение друга семьи Кавана и жителя Франции не позволяет ему выступать в качестве свидетеля, но то, что он был поставлен в столь двусмысленную ситуацию, его сильно расстроило. Сам Тигрид убежден, что Каван заварил всю эту историю прежде всего из-за своего "маниакального" стремления всегда и во всем оставаться в центре внимания. "Гонза работал как лошадь и сделал страшно много, — сказал мне Тигрид, используя уменьшительную форму имени Ян. — Но я всегда говорил ему, что его главная проблема состояла в том, что он хотел одновременно и *быть*, и *считаться* первым в мире конспиратором".

В конечном счете чехословацкие власти не пошли на проведение показательных процессов, и последний из арестованных по делу о трейлере через год был освобожден. Как сказала мне в Праге Иржина Шиклова, репортаж Мэниена никогда не использовался против кого-либо из привлеченных по этому делу. Она также заявила: "Каван ни в коей мере не несет ответственности ни за перехват трейлера, ни за последовавшие за этим аресты, да мы его в этом никогда и не подозревали. Сейчас нам уже известно имя виновного, и это не Каван".

Тем не менее, через четыре года после освобождения последних арестованных Каван все еще добивался разбора своей жалобы в Би-Си-Си. Отчасти благодаря

его настойчивым и в то же время неопровержимым заявлениям, что на злополучном трейлере не перевозилось никаких списков, в 1985 г. комиссия вынесла решение в его пользу, указав при этом, что и телестанция, и сам Мэниен уже признали совершенную ими ошибку.

Вся эта история серьезно повредила репутации Телестудии "Темза" и лично Мэниена, так что неудивительно, что последний, несмотря на сделанные им уступки, все же решительно хотел очистить свое имя. После "бархатной революции", когда сам Каван неожиданно попал в число подозреваемых, Мэниен появился в Праге и, как можно предположить, установил какие-то контакты с чешскими властями, позволившие его адвокатам в дальнейшем добиться возобновления слушаний в Би-Си-Си. Это стало возможным, в частности, потому, что стали доступны недавно рассекреченные материалы следствия, проведенного в 1981 г. Министерством внутренних дел. Из них вытекало, что в машине был список подписчиков "Свидетельств", равно как и несколько отнюдь не закодированных писем к ряду чешских диссидентов.

Когда я связался с Мэниеном, он мне заявил, что его репортаж "был образцом точности и беспристрастности", Кавана же он назвал "злонамеренным лжецом", в течение многих лет отравлявшим жизнь и ему самому, и Телестудии "Темза". "Он обвинил меня не только в том, что я плохой репортер, — продолжал Мэниен, — но и в том, что я поставил под угрозу безопасность честных борцов с чехословацким режимом. Это были тяжелые обвинения, едва ли не самые тяжелые из всех, какие только можно выдвинуть против любого журналиста, особенно если тот *знает*, что они несправедливы, но не в состоянии этого доказать". Мэниен сослался на первоначальную жалобу Кавана в адрес Би-Си-Си, которая заканчивалась такой фразой: "Даже если бы Джулиан Мэниен состоял на службе у чешской тайной полиции, ему не удалось бы добиться большего", — выглядевшей, по мнению Мэниена, особенно иронически в свете того, что произошло с самим Каваном. Однако потом Мэниен подчеркнул, что небла-

говидная роль Кавана в деле с возбуждением жалобы в Би-Си-Си отнюдь не доказывает его виновности в связях с СТБ. Как сказал Мэниен, Каван может быть и очевидным образом является "лжецом мюнхаузенского масштаба", и в то же время он может быть совершенно не повинен в том, в чем его теперь обвиняют. Но в этом-то и состоит вся проблема, не так ли?

* * *

В ходе моей первой беседы с Каваном в Праге я говорил о его жалобе на Мэниена. Меня интересовало, почему он счел необходимым скрыть истину от Би-Си-Си, заявив без всяких обиняков, что в трейлере не было вообще никаких списков. Он ответил, что его апелляция по своей сути была вполне точной, как вновь заявили коммиссии его адвокаты во время недавних слушаний. (Поверенные Кавана тем временем уже успели признать существование списка подписчиков "Свидетельств") Каван продолжал настаивать, что в репортаже Мэниена все равно содержались ошибки: по его словам, какие бы сведения ни были получены полицией во время осмотра трейлера, среди них не было имен "связных" какой-либо "секретной организации", и юристы Кавана как раз и пытались убедить Би-Си-Си пересмотреть дело, исходя именно из этого факта. Его поведение в 1981 г. было якобы вынужденным, поскольку он пытался таким образом защитить арестованных, не дав властям повода объявить найденный список настоящим списком членов "секретной организации Кавана", ссылаясь на утверждение британской телестанции. "Прекрасно,— сказал я, — но почему же в таком случае вы продолжали это дело и после освобождения всех арестованных?" "Потому что их в любой момент могли арестовать вторично, — ответил Каван. — Необходимо было, чтобы утверждение, что списка не существует, было сделано официально. Кроме того, подобную процедуру всегда нелегко остановить на промежуточном этапе". Хорошо, но почему же он пренебрег советами Тигрида и отправил в трейлере список

подписчиков? "Тигриду было легко давать такие советы, — сказал Каван. — Но этот список занимал слишком много места: там ведь было двадцать четыре страницы адресных наклеек. Их нельзя было просто отправить с курьером, так что единственным выходом было поместить их среди других секретных грузов".

Мы разговаривали в кафетерии прямо в здании парламента. Не было нужды понижать голос, поскольку остальные посетители сами держались от нас на расстоянии: там было немало депутатов, которые лишь изредка поглядывали на Кавана через пустое пространство, разделяющее их и нас. Я спросил Кавана о приписываемых ему финансовых ухищрениях, в частности об истории с копировальной машиной. Каван казался смущенным. Он недовольно поскреб лицо. "Признаюсь, что счета и прочая бухгалтерия — это то, что я не люблю и к чему не питаю склонности, — сказал он. — Той истории с машиной я попросту не помню; впрочем, не думаю, что это была правда. Но я действительно все время испытывал нехватку средств и из-за этого постоянно передвигал деньги от одного проекта к другому. Видите ли, в отличие от Тигрида и некоторых других активных эмигрантов, я неизменно отказывался принимать помощь от иностранных правительств или разведок, так что мое финансовое положение всегда было отчаянным. Мои спонсоры предпочитали давать деньги на конкретные вещи, скажем, на покупку тех же копировальных машин, ведь в этом случае весь почет им и доставался. Однако никто не хотел финансировать дополнительные расходы по моим операциям, которые были совсем немалыми — например, деньги требовались на закупку и переделку фургонов, на их содержание на стоянках, на оплату расходов водителей, приобретение технических руководств, закупку лекарств и тому подобное. Так что я могу понять, что кому-то со стороны такое манипулирование средствами могло показаться подозрительным. С другой стороны, все знают, как я жил все эти годы, сколько нажил болезней, от которых страдаю и сейчас. Так что вряд ли кто-то серьезно думает, что я наживался на своей работе".

Я спросил Кавана о его "ковбойской" репутации, в частности о его постоянных пересечениях железного занавеса. "Тут уж нет просто ничего таинственного, — ответил он. — Чтобы поддерживать постоянные контакты с различными подпольными движениями, помогать им устанавливать связи друг с другом, собирать материалы для моего агентства, вообще знать, как развиваются события на местах, мне нужно было все время путешествовать. Оказалось, что это было не так уж и трудно. Родившись в Англии, я имел право на британский паспорт. Одна из приятных особенностей этой страны состоит в том, что там не слишком любят бюрократизм, так что в Англии весьма нетрудно легально изменить свою фамилию и заново получить на нее паспорт. Для этого существует простая процедура: заполните короткую анкету, уплатите пять фунтов, подождите несколько недель, — и дело в шляпе. И вот что примечательно: как мне говорили, фамилию можно менять сколько угодно, но вот имена — никогда, они считаются "от Бога". В этом отношении мне повезло, так как клерку, который оформлял мое свидетельство о рождении, ничего не говорило имя "Ян", так что он стал в свидетельстве "Иен Майкл". Тут Каван полез в свою сумку и вытащил десять паспортов с десятью различными, но технически законными фамилиями; фотографии тоже не были одинаковыми, но борода повсюду присутствовала. "Впервые я использовал эту технику в августе 1970 г. — вспомнил Каван. — Когда? Ну-ка, посмотрим вот этот паспорт. — И он протянул мне документ, выписанный на имя И.М. Фрезера. — Как вы видите, я отправился с этим паспортом в Прагу. Я мучительно старался тогда решить, вернуться ли мне домой или оставаться в эмиграции. Я все время казнил себя за то, что не разделяю бед своих друзей и единомышленников. Но именно они настаивали на том, что я должен жить за рубежом, чтобы публиковать там сведения о несчастьях моей страны и переправлять материалы через границу. Именно так, говорили они, я смогу принести максимальную пользу, но только если я буду подчиняться

их инструкциям и удовлетворять их нужды — так, как они их понимали. Мне это казалось разумным, и именно так я и действовал все следующие девятнадцать лет. При этом в течение семнадцати лет я ни разу не пересек границ своей страны, поскольку не хотел рисковать ни своей безопасностью, ни безопасностью своих друзей. Но, как вы можете видеть, кроме Чехословакии, я побывал практически всюду".

Мы перелистали все эти документы, обратив должное внимание на визы и печати: Варшава, Будапешт, Бухарест, Восточный Берлин, София. "Однако к рождеству 1987 г., — продолжал Каван, — мне стало просто невыносимо бороться с ностальгией и чувством оторванности от родины. Я почувствовал непреодолимую потребность вернуться — хотя бы на время. Конечно, у меня были для этого и вполне деловые причины — накопилось немало вещей, которые надо было лично обсудить с коллегами, ведь не все решишь через курьеров. Я даже не знаю, что еще на меня подействовало — быть может, то обстоятельство, что у меня уже не было в живых ни матери, ни бабушки с материнской стороны, с которой я был очень близок. Если бы меня поймали и посадили в тюрьму, это ни для кого не стало бы личной трагедией. Естественно, попадаться мне совсем не хотелось, поэтому и тогда, и во время двух последующих поездок в 1988 г. я предпринял особые меры предосторожности. Вторую из этих поездок я совершил под именем И.М. Джеймса, вот с этим самым паспортом — каждый раз все обходилось без малейших осложнений. Только позднее, уже в конце 1988 г., возникла небольшая неувязка: кто-то о чем-то проговорился во время допроса совсем по другому делу, и меня предупредили, что я не должен пытаться опять проникнуть в страну под тем же именем. Я хотел получить еще один паспорт, следуя своей обычной процедуре, тут не было никаких проблем, но нужно было ждать несколько недель, а события в Чехословакии стали развиваться настолько быстро, что я решил рискнуть, и в ноябре 1989 г. прилетел в Прагу с тем же паспортом на имя Джеймса. И вот тут-то они меня и словили — в первый раз за все время".

Глядя на разбросанные перед нами на столе паспорта, я задал последний вопрос: как он сам объясняет свою особую способность постоянно попадать во всякого рода неприятные ситуации? И не одно только это, но все эти повторяющиеся обольщения им и последующие разочарования в нем других людей, свою несомненную гениальность по части возбуждения подозрений и наживания врагов?

Каван задумался и медленно обвел взглядом помещение, а потом, нахмурившись, сказал: "Конечно же, все это для меня не тайна. Я надеялся, что во мне достаточно материнских черт, чтобы бороться с этими особенностями моего характера, но что верно, то верно — я постоянно воспроизвожу те особенности отцовского поведения, которые мне самому всегда были несимпатичны. Он тоже обладал исключительным умением терять друзей".

Это напомнило мне об одном месте в книге воспоминаний Розмари Каван, где она пишет, как Ян приехал домой из аэропорта в тот январский день 1969 г., когда власти конфисковали его паспорт, поставив под угрозу его возвращение в Оксфорд (ей было не дано предвидеть, чем все это впоследствии обернется в биографии ее сына). "Хотите узнать, как все это выглядело? — спрашивает Розмари и начинает описывать мольбы и жалобы Яна. — Это был голос Павла и его характерная реакция... Наследственность здесь явно неплохо поработала... Бедный Ян, его самого можно винить в этом лишь отчасти... Когда-то заключение отца вызывало у него сильнейшие мигрени. Психологически он приспособился к постоянному напряжению, но именно эта привычка вызвала у него склонность создавать непрекращающиеся стрессовые ситуации".

Каван барабанил пальцами по столешнице. Я спросил его, какой ход был дан его диффамационному иску против Министерства внутренних дел. "Дело движется очень медленно, — ответил Ян. — В ходе каждого заседания суда возникают нескончаемые технические сложности, после чего объявляется перерыв, иногда на

несколько месяцев. Я уже особо и не надеюсь, что таким путем смогу добиться справедливости. Это одна из причин, вынудивших меня подвергнуться процедуре люстрации".

* * *

Уже нередко отмечалось, что эта процедура так же неприятна, как и ее название. Слово "люстрация" происходит от латинского *lustratio*, что означает очищение посредством принесения жертвы. Принятый в 1991 г. чехословацкий Закон о люстрации, установивший основные правила ритуалов политического очищения, обязан своим появлением быстрой эволюции отношения общественного мнения этой страны к ее недавнему прошлому. В новогоднем выступлении 1 января 1990 г. Вацлав Гавел, незадолго до того ставший президентом Чехословакии, объявил "падение нравов" одним из главных следствий длительного правления коммунистического режима; однако он все же воздержался от слишком направленных обвинений по чьему-то адресу. В одном месте своей речи, во многом символизирующем мягкость "бархатной революции", президент отметил: "Говоря о падении нравов, ... я имею в виду нас всех, ибо все мы без исключения успели сжиться с тоталитарным режимом, приняли его как неизменяемую реальность, и тем самым удлинители его существование... Никто из нас не может считаться всего лишь его жертвой, так как все мы участвовали в его создании... У нас нет права во всем обвинять одних лишь наших прежних правителей, и не только потому, что это было бы несправедливо, но также и потому, что это умалило бы меру той ответственности, которая сейчас требуется от всех нас — это ответственность, проистекающая из возможности отныне действовать самостоятельно, свободно, разумно и быстро".

Такая позиция, одновременно дальновидная, открытая и совершенно четкая, символизировала взгляды многих людей в высших эшелонах новой власти, вклю-

чая и таких ветеранов оппозиции как чешский премьер-министр Петр Питхарт и министр иностранных дел Иржи Динстбир. В Чехословакии, как до того в Польше, было решено не искать очевидных козлов отпущения. Это отчасти вытекало (опять-таки, как в Польше) из самого способа окончательного перехода власти из рук коммунистов в руки их противников — ненасильственного, основанного на переговорах. Не так уж легко внезапно начать арестовывать тех самых людей, с которыми ты всего лишь несколько недель назад обменивался торжественными рукопожатиями. В Чехии эта снисходительность зашла настолько далеко, что в первые полгода существования нового порядка власти почти не обращали внимания на СТБ, что хотя бы частично объясняет пропажу столь многих ценных документов из архивов этой организации. Но эта же умеренность в свою очередь играла наруку все усиливающимся общественным настроениям, носители которых подозревали, что весь переходный период был всего лишь одной большой инсценировкой.

За длительное время тоталитарного господства хорошие люди успевают испытать множество неприятностей, а вот к подлецам жизнь нередко оказывается в высшей степени благосклонной. Во времена отхода от столь несправедливого порядка очень важно не забывать о последствиях, которые порождает это наследие. Слабостью в высшей степени благородной позиции Гавела было как раз то, что она не принимала их в расчет. В стране было множество людей, тяжело пострадавших от старого режима (это были отнюдь не только диссиденты), равно как и немало тех, кто причинил им эти страдания. Народ был возмущен как продолжающимися бедствиями жертв коммунистической системы, так и — и даже в большей степени — явной безнаказанностью их прежних мучителей. Ускользнув от наказания, эти бывшие хозяева жизни быстро научились использовать преимущества своего прежнего положения для собственного обогащения, опять оказавшись в роли победителей. Более того, многие чувствовали, что пока эти последыши прежнего режима смогут сохранять в своих руках

рычаги власти и влияния, они непременно будут саботировать все попытки создания нового общественного устройства — либо преднамеренно (возможно, даже систематически), либо просто своей деловой беспомощностью и некомпетентностью. С течением времени все громче звучали призывы ко всеобщей чистке этих авгиевых конюшен, реакцией на которые были лишь самые различные импровизации, предпринимавшиеся в тех или иных районах, министерствах или отраслях народного хозяйства. В итоге на центральное правительство оказывалось все большее давление, чтобы заставить его проводить какую-то единую политику в этой области.

В частности, правые парламентарии вели шумную кампанию за принятие законопроекта, который попросту запретил бы занимать любые важные государственные должности (к тому же это понятие определялось очень широко) всем бывшим партийным функционерам, занимавшим в аппарате должности выше определенного уровня, всем офицерам выше определенного ранга и всем без исключения работникам и добровольным помощникам службы госбезопасности. Хотя Гавел и его соратники признали обоснованность по крайней мере части этих настроений, они тем не менее возражали против лежащей в их основе идеи коллективной вины, иначе говоря, теории, согласно которой люди подлежали наказанию просто за принадлежность к определенной группе, независимо от личной причастности к злодеяниям, этой группой совершенным. Законопроект, представленный правительством в парламент в начале сентября 1991 г., требовал, чтобы чисткам подлежали лишь те члены вышеназванных групп, которых можно было обоснованно обвинить в участии в "нарушении прав человека". Правительство обязано было представить доказательства их вины, а обвиняемые получали определенные процедурные гарантии, включая право на апелляцию. При обсуждении законопроекта парламентарии правого толка возражали, что подобные гарантии возымеют обратное действие и лишь спасут большинство виновных от справедливого наказания, поскольку ока-

жется практически невозможным доказать участие конкретного лица в нарушении прав человека. Казалось, дебаты зашли в тупик, но позже, в октябре, на волне впечатлений от августовского путча в Москве, правым неожиданным образом удалось добиться принятия законопроекта, близкого их первоначальному предложению.

Как только парламент принял законопроект, президент Гавел оказался в драматической ситуации, во многом более щекотливой и сложной, чем все пережитые им, о которых он писал в свои диссидентские дни: подписывать ли законопроект, многие положения которого внушали ему отвращение? Однако некоторые весьма сильные практические соображения, среди которых немалое место занимала угроза со стороны бывших словацких коммунистов, перекрасившихся в непримиримых националистов, покушающихся теперь на само существование Чехо-Словацкой федерации, требовали от него утвердить проект. В конце концов он все же подписал его, но одновременно предложил парламенту внести в законопроект ряд изменений. Это был чисто символический жест, поскольку такие поправки ранее уже были отвергнуты парламентом.

Поведение Гавела в деле Кавана было на удивление похоже. В течение долгих лет Каван из Англии помогал переправлять на Запад и делать достоянием публики многие работы Гавела. Однако когда Кавана начали травить, Гавел, будучи президентом, отказался публично высказаться по этому вопросу. Возможно, у него были собственные сомнения относительно Кавана (в конце концов, даже в кругу оппозиционеров Каван казался достаточно противоречивой фигурой), но более всего, вероятно, потому, что он хотел остаться над этой схваткой, чтобы иметь возможность использовать все свое политическое влияние в более серьезных сражениях за сохранение единства страны. Если Гавела прямо спрашивали о деле Кавана, он предпочитал пускаться в общие рассуждения, насколько ему неприятны несправедливости, вызванные юридической слабостью процедур проверки. Впрочем, однажды он все же нашел способ выразить

личные симпатии Кавану, согласившись встретиться с ним и Петром Улом в популярном пражском кафе, так что слухи об их беседе имели все шансы быстро разойтись по городу.

Новый закон распространялся на всех людей, занимающих или могущих занять свыше двухсот тысяч государственных должностей. (Каван добился собственной люстрации, просто подав заявление о приеме на одну из них.) Если речь шла о партийных чиновниках высокого ранга, старших офицерах и штатных работниках госбезопасности, предписания закона были более или менее однозначны: все прежние обладатели этих должностей подлежали увольнению или, как минимум, понижению в должности. Ситуация осложнялась, когда дело доходило до засекреченных внештатных сотрудников СТБ — тайных осведомителей и т.п. В принципе, на "органы" мог работать любой — и многие действительно это делали.

Нужно знать методы работы СТБ, чтобы по достоинству оценить степень ее проникновения в чехословацкое общество. На Западе неплохо знакомы (в частности благодаря пьесам Вацлава Гавела) с классической для тоталитарного общества дилеммой порядочного (пусть даже в чем-то слабого) человека: отказаться или все же согласиться подписать петицию с выражением протеста против бесчестных действий властей, поставив тем самым под угрозу благосостояние и спокойствие себя и своей семьи? Дрожат руки, перед глазами расплываются строчки документа: подписывать или не подписывать? Но мы куда меньше знаем о трагедиях выбора иного рода, постоянно происходивших в прошлом как в Чехословакии, так и в других коммунистических странах. Органы госбезопасности требовали там от людей не просто подчинения — они требовали тайного соучастия. Они умели раскидывать вокруг понадобившегося им человека искусно сплетенные сети, множеством способов (от обольщения и подкупа до угроз и насилия) вынуждая его к сдаче своих позиций и переходу на их сторону. А поскольку все секретные служ-

бы были по самой своей сути организациями бюрократическими, все эти пируэты всегда заканчивались одним и тем же: листом бумаги и требованием поставить на нем свою подпись. Это был договор с дьяволом, и перед человеком вставал все тот же трагический вопрос: подписывать или не подписывать? Иногда дело вообще ограничивалось одной лишь подписью, иногда требовали большего. Подпись могла означать обязательство совершить что-то серьезное, но могла и просто удостоверить обязательство никогда и никому не разглашать сам факт контактов с тайной полицией (странное, если подумать, требование: "Распишитесь здесь в том, что мы никогда не встречались"). Агентов СТБ все время подталкивали к тому, чтобы они раскидывали все новые и новые сети, улавливая в них все больше людей и принося своему начальству все больше подписей, за что их вполне осязаемо награждали: скажем, еще три подписи — и получаете телевизор. Как сейчас стало известно, подчас агенты сами фабриковали такие документы, приписывая их вполне реальным лицам: подписи могли быть поддельными, люди — нет. (Как заметил по этому поводу один наблюдатель, это не кафкианская ситуация, а скорее уж гоголевская или гриновская, нечто вроде "Нашего человека в Праге".) Все эти подписи стекались к единому центру и накапливались в единой главной картотеке. В этот же список вносили людей, на которых секретные службы сами собирали информацию, включая известных властям противников режима. Иногда по этим карточкам было нетрудно понять, к какой именно категории относится данное лицо, но часто это совсем не так ясно.

Во всяком случае, именно эта главная картотека оказалась в самом центре процесса люстрации в той его части, которая относилась к деятельности бывших органов госбезопасности. Драма расписок оказалась возвращенной наизнанку, превратившись в драму идентификации. Согласно новому закону, все государственные служащие, начиная с определенного уровня, равно как и претенденты на соответствующие должности, были обязаны

подвергнуться процедуре люстрации. Их имена направляли на рассмотрение специальной комиссии Министерства внутренних дел, которая должна была в двухмесячный срок проверить их по этой картотеке. По окончании расследования людям выдавались особые справки, удостоверявшие, что их обладатели "СТБ-положительны" или "СТБ-отрицательны". Получатели отрицательных справок предъявляли их своим начальникам и в силу этого сохраняли свои должности. Но если кто-то получал положительное заключение, то лучшим выходом было незаметно уволиться со службы.

* * *

Когда кампания люстрации начала набирать обороты, она возбудила беспокойство ряда международных организаций, таких как Международная организация труда в Женеве и нью-йоркская Хельсинкская группа. Они осуждали многое: сам принцип коллективной вины, сомнительность достоверности картотеки СТБ, невозможность на ее основе разделить людей по группам виновности, ненадежность процедур юридической защиты жертв люстрации (включая слишком узкое право на апелляцию и так и не проведенное в жизнь требование к правительству брать на себя доказательство обвинений), вероятность выхода этой кампании за рамки одних лишь высших гражданских и военных должностей.

Директор американской Хельсинкской группы и старый защитник Хартии-77 и других чехословацких демократических движений Джери Лабер просуммировала эти опасения в статье «Охота на ведьм» в Праге», опубликованной 23 апреля 1992 г. в *The New York Review of Books* (см. также в этом номере "Проблем Восточной Европы", стр. 100-113 — Ред.). Многие из тех, с кем мне довелось говорить в Лондоне и Праге, были сильно раздражены и самой статьей, и особенно ее заголовком, поскольку он наводил на мысль, что чехословацкие события выходят из-под контроля и страна скатывается в объятия нового маккартизма. Кристина Стоун и Марк

Алмонд, соратники Роджера Скрутона, отправили на имя редактора "Review" письмо на бланке британской Хельсинкской группы, в котором они отметили, что "хотя госпожа Лабер упоминает о своих встречах с различными известными пражскими деятелями, ей, судя по всему, не довелось обсуждать закон о люстрации с Ярославом Баштой, председателем той самой Независимой комиссии, которой поручено его проведение в жизнь. Если бы такая беседа состоялась, страхи госпожи Лабер могли бы рассеяться. Он красноречивый защитник того принципа, что каждый человек должен считаться невиновным вплоть до убедительного доказательства обратного. Для датировки и установления подлинности найденных документов его комиссия использует криминологическую экспертизу и отнюдь не строит свои выводы на показаниях бывших агентов СТБ. Эти факты опровергают утверждение госпожи Лабер о том, что тайная полиция "все еще правит даже из могилы".

* * *

Помня об этом письме, я решил посетить господина Башту во время своего пребывания в Праге. Мы встретились в его кабинете, и я действительно нашел его как красноречивым, так и явно порядочным человеком.

Башта довольно молод — он примерно ровесник Кавана, которого он знал и с которым вместе работал, когда оба они были студентами-радикалами. Он получил археологическое образование, но ему запретили работать по специальности (по крайней мере официально) после того как в 1970 г. он был арестован и приговорен к тридцатимесячному заключению. После освобождения он работал в строительной промышленности, но в свободное время продолжал заниматься своей любимой наукой, опубликовав десятки статей по предистории Западной Богемии, высоко оцененных специалистами. В ходе нашей беседы он отметил, что многие из приобретенных тогда навыков оченьгодились ему в его нынешней работе: ведь теперь ему приходилось пере-

бирать и сравнивать множество противоречивых данных, чтобы найти убедительные интерпретации "предистории" справедливо или несправедливо обвиненных людей. После этого наша беседа перешла на проблему "археологии" коллаборационизма.

"Думаю, сейчас я уже знаю о ней все, что только можно знать", — с глубоким вздохом сказал мне Башта. Когда-то он одним из первых подписал Хартию-77, и он же стал одним из первых представителей Гражданского Форума в Министерстве внутренних дел, занимая различные посты и в этом министерстве и в тех учреждениях, которые пришли ему на смену. "Мне пришлось изучить сотни досье, — продолжал Башта. — Я теперь знаю, что существовали самые разные виды коллаборационизма и самые разные причины, по которым люди шли на сотрудничество с госбезопасностью. Кое-кто действительно снабжал СТБ информацией в силу своих убеждений, хотя таких людей оказалось на удивление немного. Некоторые доносили из мелкой зависти или сиюминутного желания отомстить. Были и прирожденные доносчики — во многих отношениях худшие из всех. Некоторые сотрудничали с тайной полицией ради материальных или карьерных выгод, некоторые — чтобы только сохранить свою должность. Кое-кого принуждали к этому путем шантажа: СТБ постоянно искала у людей уязвимые места и была готова использовать в своих целях любые просчеты и ошибки. Я слышал поистине ужасающие истории. На некоторых людей оказывали сильнейшее давление, когда они отбывали заключение за различные политические деяния или находились под угрозой ареста, и они не выдерживали и подписывали. Другие делали это ради своих близких, скажем, чтобы не повредить образованию сына или получить возможность навестить родственников за рубежом. Некоторые из подписавших начинали работать столь активно, что причиняли страшный вред своим соседям и сослуживцам. Другие, напротив, практически бездействовали и не поставляли властям совершенно никакой существенной информации. Были и такие, которые вскоре

ужасались содеянному и быстро прекращали всякие отношения с органами госбезопасности. Кое-кого чувство вины толкало на вступление (или возвращение) в ряды диссидентов, где они могли после этого работать годами и приносить большую пользу”.

“Состояла ли ваша работа, — спросил я, — как раз в том, чтобы устанавливать все эти градации и давать оценку различного рода факторам, хотя бы частично извиняющим сотрудничество с тайной полицией?”

“О нет, — ответил мне Башта. — Большой части этих людей я бессилен помочь, поскольку закон в данном случае не предусматривает каких-либо смягчающих обстоятельств. Если вы когда-либо поставили свою подпись, если вас внесли в картотеку СТБ под рубриками А или Б (а это и означает, что в деле имеется ваша подпись), результат однозначен: вы считаетесь “СТБ-положительным”, и никакая апелляция в данном случае не допускается. Вы подверглись люстрации. Закон позволяет нашей комиссии рассматривать лишь те апелляции, которые относятся к пограничной группе, так называемой категории В — она самая немногочисленная, возможно, там не больше двух тысяч дел. Здесь мы можем изучать все документы, включенные в их досье, вызывать свидетелей и брать у них показания под присягой. На основе всех этих данных мы и принимаем окончательные решения. Таких людей мы вправе очищать от подозрений. Но что касается всех остальных... — Тут Башта пожал плечами, помолчал и продолжал. — Я немало думал об этом законе, и должен признаться, что я невысокого мнения и о нем самом, и о его авторах”

* * *

Как за, так и против люстрации предлагалось великое множество аргументов, убедительных и не очень, но мне кажется, что реальный источник разногласий лежит где-то гораздо глубже. Сильнее всего я это почувствовал, задумавшись о двух поддержавших этот закон силах.

С одной стороны, за люстрацию яростно выступила

часть бывших активистов диссидентских движений. Количественно эта группа была в явном меньшинстве. В общем, вы можете быть почти уверены в следующем: если пройтись по относящимся к прежней Чехословакии спискам “Международной амнистии” и проверить отношение людей, внесенных туда, к процессу люстрации, то обнаружится, что чем сильнее данное лицо преследовали при коммунистическом режиме, тем больше оснований ожидать от него недогматического отношения к этой кампании. Тем не менее, в число ревностных защитников люстрации вошли некоторые видные члены оппозиции с большим стажем. Я долго беседовал с одним из них — это Павел Братинка, католический активист, решительный сторонник радикальных рыночных реформ, ставший одним из лидеров относительно малочисленной, но в высшей степени динамичной партии “Гражданский демократический союз”. В ходе разговора я упомянул о паре случаев, сообщенных мне Баштой, когда люди подписывали обязательства о сотрудничестве либо из любви к своим близким (конкретно, из желания навестить живущую за границей дочь), либо вследствие шантажа. Затем я спросил Братинку, не кажется ли ему, что такие ситуации заслуживают особого рассмотрения?

Презрительно сжав губы, он заявил: “Если эти люди поддались шантажу в прошлом, кто поручится, что они не проявят такой же слабости в будущем? Народ имеет право защищать себя от своих былых поработителей; конечно, такие люди должны подвергнуться люстрации. Вся суть в том, что их трусость приводила к вполне определенным последствиям. Не все же подписывали, не все соглашались пожертвовать своей честью, даже если за это приходилось расплачиваться невозможностью выезжать в гости к родным. Если человек признает, что оказался слабаком, — а что еще доказывает его подпись? — то почему же окружающие не имеют права узнать о его слабости? И почему общество должно терпеть на ответственных должностях людей, на которых нельзя положиться? Я, специалист по физике твердого тела, был вынужден восемь лет работать дворником и кочегаром —

и это потому, что отказался дать им свою подпись. Каждый мог заработать себе на хлеб честным трудом, и те, кто предпочел пойти по другому пути, продемонстрировали редкостную этическую глухоту. Почему же сейчас эти факты не должны стать всеобщим достоянием?"

Столь непримиримая мстительность отталкивает и от Братинки, и от его единомышленников многих прежних союзников по диссидентскому движению. Я не раз слышал, что их сравнивают с Савонаролой — эта позиция вызывает именно такие ассоциации. Однако таких взглядов придерживается лишь малая часть сторонников люстрации. Правда состоит в том, что в Чехословакии у власти практически не было противников — именно это обстоятельство сейчас и обеспечивает достаточно массовую поддержку люстрации. Если в Польше в 1980-1981 гг. движение "Солидарности" решительно поддерживали миллионы людей, то чехословацкая оппозиция после 1968 г. насчитывала в своих рядах лишь несколько тысяч активных членов. Например, Хартию-77, при всем ее этическом весе и исторической важности, подписали только 1864 человека. Летом 1989 г., когда советские власти уже давно ясно дали понять, что не собираются защищать разваливающиеся "братские режимы", в Чехословакии петиция "Несколько фраз" собрала только тридцать девять тысяч подписей — и это при населении страны, превышающем пятнадцать миллионов.

* * *

"Страшно было именно это всеобщее молчание, а вовсе не подлости отдельных людей, — сказал мне журналист Ян Урбан, один из самых отважных и динамичных активистов оппозиции 80-х годов. — И весь нынешний шум вокруг люстрации — это просто способ замалчивать это молчание прошлого".

"Есть старая чешская притча о воре, кричащем «держи вора!», — сказал мне в Праге еще молодой ветеран диссидентского движения Вацлав Троян. — Не-

возможно отрицать, что при коммунистах великое множество людей жило вполне благополучно. Они ходили на первомайские демонстрации, состояли во всех обязательных организациях, вывешивали в окнах своих домов партийные плакаты — все как в известном примере Гавела. А в обмен на эту лояльность они получали радости приличного существования и могли спокойно строить и благоустраивать свои дачи". Эти дачи были важной частью проводившейся при Гусаке программы "нормализации". Например, в 70-е и 80-е годы пражане имели возможность получать в пригородной местности участки под застройку и возводить там всякого рода дачки и усадьбы. На своей земле они могли наслаждаться практически полной свободой, которая, однако, в ее границах и заканчивалась. С течением времени угроза изъятия всей этой дачной благодати стала в высшей степени эффективным оружием властей.

Вот что сказал мне при нашей встрече Ярослав Башта: "Возможно, вы и сами уже заметили, что больше всего проблем с люстрацией или иными сходными процедурами возникает как раз в тех странах, где старый режим рухнул внезапно и почти без подготовки — посмотрите на Чехословакию и Восточную Германию и сравните их с Польшей и Венгрией. В этом я вижу запоздалую реакцию на тот способ, которым мы покончили с коммунизмом. Люди обнаружили, что для краха режима им достаточно было всего лишь выйти всем вместе на улицы и кричать там несколько дней — ничего большего и не потребовалось. Так что по прошествии нескольких недель праздничного возбуждения они начали робко спрашивать себя — но если все оказалось так просто, почему же мы не сделали этого раньше? "Потому, что мы боялись", отвечали они сами себе. Боялись — но чего? Не так уж приятно было признаться в том, что, возможно, и бояться-то было нечего. Куда легче было разглагольствовать о дьявольском всепроникающем аппарате СТБ, чьи вездесущие агенты не давали нам вздохнуть все эти годы. Призывать к тому, чтобы эти агенты были поголовно обнаружены и изгнаны, было куда легче, чем признать ту истину, что нам самим всегда недоставало храбрости".

Зденек Каван, младший брат Яна, тоже уехавший в Англию, но стоявший там в стороне от оппозиционных движений (он преподавал международные отношения в Сассекском университете), подчеркнул в разговоре со мной, что нынешнюю чехословацкую чистку вряд ли можно считать чем-то исключительным. "Конечно же, меня всё это огорчает, — сказал Зденек, — но в целом я ожидал чего-то подобного, особенно в Чехословакии. В конце концов, мы имеем дело с небольшой центральнойвропейской страной, не раз пытавшейся утвердить свою независимость, но многократно испытывавшей поражения от куда более сильных соседей. Чтобы выжить, люди должны были в той или иной степени приспособляться к требованиям власти. В чешской истории нашего столетия с пугающей регулярностью повторяются налеты и откаты, имевшие место в 1918, 1938, 1945, 1948, 1968, 1989 гг., — общественные перемены, за которыми следуют репрессивные чистки. При этом периоды перемен всегда разделяются слишком короткими промежутками времени, в течение которых общество просто не успевает стабилизироваться или выработать общепринятые правила урегулирования разногласий. Эта протянувшаяся через всю нашу историю нить — своего рода аллергическая реакция на необходимость более ответственного поведения в сложных общественных ситуациях. Те, кто никогда и пальцем не шевельнул в борьбе с прежним режимом, сегодня вопят о необходимости чистки и требуют публикации оставшихся от него архивов. И это нетрудно понять: ведь достаточно не попасть в список коллаборационистов, чтобы считать себя совершенно неповинным во всех грехах прежней власти".

Итак, вы можете считать себя очищенным от любых подозрений и потому чувствуете себя вправе быть нетерпимым к чужим грехам. Когда я говорил с Баштой, он не захотел прямо обсуждать со мной дело Кавана, поскольку оно еще могло попасть на рассмотрение его комиссии. Однако он заметил, что хорошо помнит буквально тонны книг и прочих материалов,

переправленных в страну Каваном, причем его нынешние обличители в своем большинстве не то что не читали их, но и не видели, поскольку в прежнее время не осмелились бы даже находиться с ними в одном помещении.

Министр иностранных дел при Дубчеке и один из лидеров Хартии-77 Иржи Хайек с горечью заметил: "Как внезапно расхрабрились сейчас все те, кто раньше считал нас безнадежными донкихотами и ни в чем не осмеливался нам помогать!"

Ситуация выглядит даже более нелепой: ведь помимо вопроса, кто должен стать объектом чистки, возникает и другой вопрос — за чей счет? Хотя в законе о люстрации упоминаются различные категории людей (бывшие партийные функционеры старших рангов, сотрудники народной милиции, и т.д.), с точки зрения публики, он был направлен прежде всего против осведомителей СТБ, чьи имена обнаружались в ее картотеке. Именно они стали главным объектом общественного гнева — и совсем не случайно.

Переводчик Яна Франкова, человек хорошо осведомленный, сказала мне: "Весь ужас в том, что именно люди, активно демонстрировавшие свое неприятие режима, имели максимальные шансы на то, чтобы привлечь к себе внимание СТБ, и поэтому быть вызванными туда для собеседования или допроса. Независимо от того, поддавались они или нет на уговоры и угрозы своих искусителей, их имена все равно попадали в картотеку госбезопасности — исключений из этого правила было не так уж много".

В другой беседе мне довелось услышать расхожую фразу недавних времен: "Ну, он настолько недалек, что даже СТБ не захочет иметь с ним дело". Она хорошо иллюстрирует привлекательность картотеки СТБ как основной информационной базы нынешних чисток: туда с минимальной вероятностью вносились как явные глупцы, так и люди, намеренно устранившиеся от политики. Напротив (и отнюдь не случайно), бывшие активисты оппозиции имели повышенные шансы попасть

в этот список наряду с подлинными подлецами и предателями.

"Люди сейчас начинают понимать, что можно было жить не в молчании, не так, как жило большинство", — сказала мне Иржина Шиклова. Как социолог, она много пишет о так называемой серой зоне, иначе говоря, — о группе раздраженных менеджеров, бюрократов, преподавателей вузов и научных работников, которые не испытывали никакой любви к режиму, но при этом ни в малейшей степени ему не противодействовали. "Их большая совесть фиксируется на бывших диссидентах, которых большинство воспринимает как живой укор и, естественно, их сильно недолюбливают (пожалуй, за исключением Гавела). Не случайно лишь немногим из них удалось сейчас занять высокие государственные посты. Ненавидя себя за прошлое поведение, люди переносят эту ненависть на СТБ или на диссидентов. А если уж удастся заподозрить того или иного диссидента в сотрудничестве с тайной полицией, так это просто подарок судьбы, именины сердца. "Ну вот, — говорят они сами себе, — мы же всегда знали, что среди этих диссидентов кишмя кишели агенты СТБ, которая полностью контролировала всё их движение! А мы не хотели лезть во все эти идиотские игры — и были совершенно правы, так и надо было вести себя разумным людям".

Вскоре мне довелось услышать нечто подобное из уст организаторов Антикоммунистического союза, экстремистского крыла движения за чистоту общества. "Я тут был на встрече активистов Хартии-77, — сказал мне один из них. — Боже правый, я никогда еще не видел сразу столько агентов СТБ." Помолчав, он доверительно добавил: "Вы знаете, у нас есть данные, что это движение на треть состояло из агентов госбезопасности!"

Такие настроения выражаются не только расплывчатыми общественными эмоциями — они легли в основу очень четко составленной программы одной из наиболее успешных политических партий страны — Гражданской демократической партии, во главе которой стал тогдашний министр финансов Чехословакии (позднее

глава чешского правительства) Вацлав Клаус, харизматический политик и едва ли не самый убежденный и умеющий убеждать других сторонник как можно более быстрого перехода к радикально рыночной экономике. Все дело, однако, в том, что до ноября 1989 г. он ничем не проявил своих антикоммунистических убеждений. Образцовый обитатель того, что Шиклова называет "серой зоной", Клаус располагал тепленьким местечком в Институте экономики Академии наук, где мог даже позволить себе роскошь воздержаться от вступления в партию, поскольку его прикрывал шеф-коммунист. С другой стороны, ничего антипартийного Клаус в те годы тоже не допускал; говорят, уже в 1989 г. он отказался подписать петицию протеста против последнего заключения Гавела. Видный член оппозиции Рита Климова когда-то устраивала у себя дома для друзей и единомышленников просмотры новых западных видеофильмов, поступавших в страну с диппочтой. Как мне говорили, Клаус дал ей понять, что и он не отказался бы от этой возможности, но только при условии, что в квартире не будет никого из активных диссидентов, так что Климовой пришлось устраивать для "серозонных" кинолюбителей отдельные сеансы.

Для партии Клауса сложность состояла в том, что в стране были и другие сторонники свободного рынка (многие группировавшиеся вокруг Гражданского демократического союза Павла Братинки), и политики, которых отнюдь не приводила в восторг перспектива полномасштабного перехода к неограниченному капитализму (к этой группе относились многие сторонники Гражданского движения — партии министра иностранных дел Иржи Динстбира). Среди них было немало фигур, издавна прославивших противниками коммунистического режима, например ветеранов Хартии-77 или даже событий 1968 г. Поэтому Гражданская демократическая партия прибегла к следующей стратегии: подрывать авторитет Хартии с помощью намеков на возможную роль СТБ и в то же время приносить достижения дубчеховского периода, выставляя их как всего

лишь внутрипартийную борьбу между коммунистами различных мастей.

Откровенно говоря, меня поразило, насколько успешно укоренилась эта ревизионистская интерпретация событий 1968 г. и насколько негативным было отношение многих моих собеседников к Дубчеку. Казалось, в соответствии с законом о люстрации, Дубчеку даже не удастся по истечении срока его полномочий председателя Федерального собрания вернуться на прежнюю скромнейшую должность в Лесном министерстве, которую он занимал при коммунистическом режиме. (Впрочем, нелепых попыток пересмотреть историю хватало по обе стороны баррикад. Хотя реформаторы поколения 1968 г. ни в коей мере не были коммунистическими лизоблюдами, какими их часто изображают, они отнюдь не имели в виду с самого начала ничего подобного нынешним радикальным преобразованиям, что бы они сами сегодня ни говорили по этому поводу.) Как бы то ни было, Каван был одновременно и ветераном событий 1968 г., и видным сторонником Хартии-77. Это сочетание делало его превосходным объектом для атак журналов, близких к партии Клауса.

* * *

Сторонники закона о люстрации любят указывать на те его положения, которые строго ограничивают сферу его применимости и гарантируют конфиденциальность рассмотрения дел. Среди выразивших недовольство упоминавшейся выше статьей Джери Лабер многие жаловались, что при ее чтении создается впечатление, что чуть ли не каждый желающий может получить доступ к спискам СТБ и тем самым добиться увольнения едва ли не любого человека — и это при том, что закон точно определил, кто именно подлежит люстрации и каким образом осуществляются абсолютно конфиденциальные процедуры установления индивидуальной виновности любого человека. Что же можно придумать разумнее? К чему весь этот шум?

Сложность, однако, состоит в том, что какими бы ни были намерения авторов закона и даже первоначальные способы его применения, ко времени моего приезда в Прагу весной 1992 г. практика люстрации явно стала выходить за предписанные этим законом рамки. Закон содержал перечисление должностей, обладатели которых подлежали люстрации, но он не запрещал подвергать той же процедуре людей, занимающих другие государственные либо частные должности, чем и воспользовались его сверхретивые исполнители. Когда министра просвещения спросили, правомерно ли подвергать люстрации старших поваров в школах (именно таким было одно из недавних требований), он ответил: "Это не вполне соответствует закону, но зато удовлетворяет требованиям публики".

Пока люстрация удерживалась в официальных рамках, можно было рассчитывать хотя бы на ее конфиденциальность. Однако вскоре стала обнаруживаться утечка данных как о самой главной картотеке СТБ, так и о содержании отдельных необработанных досье. Поначалу они выглядели совершенно случайными. Как-то после обеда я сидел в кабинете Питера Брода, блестяще информированного исследователя, работающего для радиостанции "Свобода"/"Свободная Европа". Вдруг заработала факс-машина, из которой без всякого сопроводительного письма поползли пронумерованные в алфавитном порядке списки людей вместе с датами их рождения, предполагаемыми агентурными кличками, архивными номерами и нынешними профессиями — всего 575 имен на пяти страницах. Станным образом Брод не проявил никакого удивления. "Ах, это?, — сказал он. — Сейчас такая информация поступает регулярно — все эти списки подозреваемых в связях с СТБ рассылаются неизвестно кем и без всяких просьб с моей стороны. Обратите внимание, это послание даже не содержит никаких обвинений, одни только имена и сопутствующие сведения, причем источник этих сведений также не указан. Сейчас это самое обычное дело. Мы не передаем такие списки по радио и не публикуем их

каким-то иным образом, но другие это делают. Кто возьметесь гарантировать аутентичность этого списка? А если он подлинный, — что конкретно означает включение в него каждого отдельного имени? Город просто переполнен этими вещами”.

Сюзен Гринберг, корреспондент газеты “Гардиан”, поделилась со мной трудностями, которые испытывает журналист, вынужденный работать в подобной атмосфере. “Если вы вмешиваетесь и добиваетесь уточнений — значит, вам самим есть что скрывать”, — сказала она. По ее словам, Стефан Бачинский, бывший руководитель ФБИС, преемницы старой СТБ, унаследовавшей ее картотеку, “недавно заявил, что критика в адрес ФБИС — это часть заговора по дискредитации Чехословакии. Люди просто уже не знают, что и сказать — ведь все дискуссии получают манихейскую окраску и сразу же переходят на личности. Конечно, это тоже часть наследия коммунистического режима. Я могу понять желание как-то примириться со своим прошлым, но меня возмущает, что как только вы пытаетесь защищать тот или иной принцип, вас сразу же начинают упрекать в необъективности. Из-за боязни такого навешивания ярлыков люди все чаще и чаще перестают обсуждать применение закона о люстрации”.

Ситуация готова была еще ухудшиться. Всего за несколько дней до начала избирательной кампании Стефан Бачинский внезапно заявил, что ФБИС составила (судя по всему, без чьего-либо разрешения или указания) список нескольких сотен журналистов, якобы бывших в прошлом осведомителями СТБ. На практике в компьютер заложили список членов обновленного Синдиката журналистов и сравнили его с пресловутой главной картотекой СТБ — в итоге и возник список Бачинского. Результаты этой операции, по словам Бачинского, оказались просто потрясающими; полученные данные якобы свидетельствовали о наличии серьезной и непосредственной угрозы национальной безопасности из-за возможности массовой дезинформации или шантажа (он, однако, не привел конкретных примеров ни того, ни другого). Ба-

чинский не назвал ни одного имени из этого списка, с достоинством заявив, что у него нет на это полномочий, но отметил, что передал копии главе правительства и председателю парламента. Ответом на это заявление были яростные дебаты, в ходе которых правые парламентарии потребовали немедленной публикации списка, чтобы защитить национальные интересы накануне столь важной избирательной кампании. В конце концов лидеры парламента решили ознакомить со списком всех депутатов, но не для принятия конкретных действий, а лишь для сведения; кроме того, от депутатов потребовали дать обязательство хранить содержание списка в тайне. “Отлично задумано, — сказал мне Ян Урбан, услышав эту новость. — Увидите, что из этого получится: не пройдет и суток, как весь список будет опубликован”.

И действительно, в предсказанный Урбаном срок список появился в правой газете “Телеграф” — он содержал и имя заместителя главного редактора, всеми уважаемого журналиста Индржиха Ходы. “Телеграф” действовал без промедлений — Хода сразу же был уволен.

* * *

Мне представилась возможность поговорить с Ходой через несколько дней после случившегося. Он все еще выглядел совершенно потрясенным и сомневался, что ему когда-нибудь удастся найти такое же место. Как он мне объяснил, в свое время СТБ действительно на протяжении нескольких лет пыталась склонить его к сотрудничеству. Он работал тогда в газете “Лидова Демокрацие”, где он в целом провел двадцать пять лет, из них пятнадцать — в качестве главы международного отдела. Эта ежедневная газета, орган издавна существовавшей католической Народной партии, продолжала выходить и в годы коммунистического режима и пользовалась несколько большей независимостью, чем большинство изданий, непосредственно контролировавшихся коммунистами, из-за чего газета сделалась объектом пристального внимания СТБ, постоянно пытавшейся насадить туда

свою агентуру. Самого Ходу сотрудники СТБ постоянно приглашали для совместной выпивки и дружеских бесед, а он, отчасти напуганный и отчасти озадаченный их бесцеремонностью, не смел отказываться. "Но я всегда сам платил за себя, — подчеркнул он, — а подчас даже и за них. Я знаю, что если бы позволил им платить за себя, это выглядело бы совсем непривлекательно, но так или иначе я все равно оказался бы в сомнительной ситуации". Людей из госбезопасности не интересовала информация о сослуживцах Ходы. Они хотели использовать его в качестве заграничного курьера. За все годы, что он возглавлял международный отдел газеты, ему ни разу не разрешили выехать за границу, но если бы он дал согласие брать с собой и оставлять в условленных местах особую "почту" СТБ, заграничный паспорт был бы ему гарантирован. Хода сказал, что он всегда отклонял подобные предложения. "И вот однажды они вдруг достали лист бумаги и попытались заставить меня поставить на нем свою подпись, — вспомнил Хода. — Все это выглядело очень серьезно. Я был испуган, но подписывать все же отказался — клянусь жизнью своих детей, я никогда ничего не подписывал и ни на кого не давал информацию. И вот лучшее доказательство этому — мне так никогда и не разрешили съездить за рубеж. Я хочу одного: пусть откроют мое досье, тогда каждый сможет убедиться, что там нет ни одного подписанного мною обязательства, всё это ложь. Но я абсолютно бесправен: я работал в частной фирме, она не обязана ни перед кем отчитываться за мое увольнение. Я потерял все, что только у меня было в жизни, и никакого выхода я не вижу".

Утверждения Бачинского относительно интересов национальной безопасности Хода назвал "полной бредятиной". Он показал мне номер "Телеграфа" с тем самым списком. "Вы только посмотрите на него, — предложил Хода, — там же есть и покойники — ФБИС даже не позаботилась о том, чтобы установить, живы ли все те люди, в которых она видит угрозу для национальной безопасности. В списке много имен спортивных коммен-

таторов, и это нетрудно понять — они должны были часто выезжать за рубеж. Однако в чем может состоять их угроза для безопасности страны?"

В списке были имена сорока бывших коллег Ходы по газете "Лидова Демокрацие". Он мне объяснил, что ушел из нее около года назад, когда ему предложили войти в команду, создающую новую ежедневную газету "Телеграф". Одним из ее издателей был Мирослав Мацек, вице-председатель партии Клауса, главным редактором — двадцатилетний Якуб Цисарж, не имевший вообще никакого журналистского опыта. На Ходу свалилось множество обязанностей — от найма сотрудников до ежедневного редактирования. Со всем этим он справлялся.

Через несколько дней я имел беседу с Якубом Цисаржем, человеком большого роста, внушительной внешности и абсолютного самообладания. Он выразил гордость тем, что именно его газета опубликовала список запятанных себя журналистов, поскольку граждане вправе знать прошлое тех, через кого они получают новости; кроме того, по его мнению, эта публикация могла защитить тех же журналистов от шантажа.

Я спросил его о Ходы. "Он же был в списке, так что мы были вынуждены расстаться с ним, — сказал Цисарж. — Не сделай мы этого, как бы мы сохранили доверие наших читателей?"

Однако, возразил я, Хода настаивает, что он никогда не работал на СТБ и никогда не подписывал никаких обязательств. Может ли сам Цисарж сейчас сказать о Ходы что-нибудь плохое? Например, известны ли Цисаржу какие-то попытки Ходы дезинформировать читателей "Телеграфа"? "О, нет!" — воскликнул Цисарж, которого, кажется, это предположение даже рассмешило.

Действительно ли, спросил я, Хода сыграл ту важную роль в организации "Телеграфа", о которой он мне рассказывал: подбор сотрудников, руководство ежедневными операциями, и т.п.? "В целом, да". Был ли он профессионально хорошим редактором? "Вне всякого сомнения". Можно ли было на него положиться? Не лгал

ли он Цисаржу в чем-то важном? "Не думаю — ничего такого не могу вспомнить". Хорошо, но вот сейчас Хода клянется, что никогда не был осведомителем СТВ. Какие есть у Цисаржа основания в этом сомневаться?

"Дело в том, что мой хозяин, Мацек, заверил меня в стопроцентной достоверности списка — а у него есть свои источники информации". Цисарж помолчал несколько секунд, с явной неловкостью изучая носки своих туфель, а потом добавил: "И вообще, ведь это Мацек уволил Ходу".

Я обнаружил в списке еще одно неожиданное имя — фотографа Антонина Нового. Об этом человеке я кое-что знал. В 1968 г., когда советские войска вошли в Прагу, он как-то ухитрился проникнуть в уже занятые ими здание Чехословацкого агентства новостей и передать оттуда в венское бюро United Press International несколько фотографий советских танков на Вацлавской площади, окруженных яростными молодыми демонстрантами. Эти снимки на следующий день появились в газетах всего мира. Тогда никто не знал имени автора этих снимков и способ их передачи на Запад. Однако несколькими месяцами позже их выдвинули на Пулитцеровскую премию, и UPI запросило Нового, не возражает ли он против обнародования его имени.

"Я тогда согласился, — сказал мне Новый, — и, вероятно, зря, поскольку из-за этого попал под колпак СТВ". Я пришел к нему вместе с Аланом Леви, редактором пражской англоязычной газеты "Пост" — единственного издания, объявившего о своем намерении продолжать использовать работы Нового, несмотря на злополучный список. Новый, как и Хода, не мог скрыть своего потрясения недавними событиями. "У меня начались всякого рода неприятности, стало трудно публиковаться, — продолжал свой рассказ Новый. — Как видите, мне уже приходилось подвергаться преследованиям. Как-то в Брно на меня напали прямо на улице и измолотили до потери сознания. Потом меня стали таскать на допросы — десять раз на протяжении всего лишь нескольких недель. Я был поистине в ужасе. Я знал случаи, когда люди попросту исчезали — а у меня ведь было

двое маленьких детей. Шел 1973 год. У меня почти не осталось сил — ни физических, ни духовных. Но им как-то вдруг все это надоело — так это по крайней мере выглядело. Передо мной однажды положили бумагу, своего рода декларацию лояльности по отношению к режиму и органам госбезопасности. Мне пообещали, что если я ее подпишу, они оставят меня в покое. Да, я это сделал, я действительно там расписался, специально приписав, что это не означает моего одобрения советского вторжения. Как бы я хотел, чтобы удалось найти этот документ — все бы могли увидеть, что там на деле написано. После этого СТВ, в общем, перестала мной заниматься. И я вообразил, что по прошествии стольких лет мне удалось освободиться из их когтей".

По словам Нового, еще за несколько недель до утечки в печать журналистского списка он стал получать совершенно хулиганские звонки от неизвестных ему людей. После публикации списка он обратился непосредственно к министру внутренних дел Яну Лангошу, своему старому и очень близкому другу, с которым его связывают и общие религиозные убеждения. Что происходит, спросил он министра? Что будет теперь со мной?

"Мы говорили по телефону, — вспоминал Новый. — Связь была отвратительной, я едва мог его слышать. «Ты же сам знаешь, что мы отслеживаем убийц», — услышал я от него. — Трудно даже вообразить, сколько у нас своих и зарубежных врагов — все это не так просто, мой друг. Я занимаюсь этими досье уже два года и я знаю, о чем говорю". Но какое все это имеет отношение ко мне, спросил я. Он ответил, что незнакомился с моим делом — список журналистов был вообще составлен не по его приказу, этим занималась ФБИС. Я обратился к нему отнюдь не за помощью. Я не ожидал, что он сможет что-то для меня сделать — он действительно бессилен, он уж слишком на виду. Я просил лишь объяснений, но он мало что мог мне сказать. В конце концов наша беседа перешла в философское измерение. Мы заговорили о грехе, наказании и прощении. Я сказал, что едва мог узнать его голос — уж слишком явственно он походил на глас

Иеговы. «Антонин, — сказал он мне перед тем, как повесить трубку (и в его голосе звучало полное изнеможение), — Антонин, пожалуйста, звони мне почаще». Просто страшно подумать, что делает с людьми знакомство со всеми этими материалами».

Я спросил Нового, что он сам думал о причинах происходящего, о силах, стоящих за всей этой люстрационной лихорадкой. «Это либо прежняя мафия, пытающаяся возмутить общественное мнение и дестабилизировать положение в стране, чтобы самой уйти в тень, — ответил он, — или же это дело рук новых политиков, стремящихся отвлечь общественное внимание от серьезных экономических проблем и заполучить для себя те или иные кратковременные преимущества. Или же это комбинация того и другого». Помолчав, он задумчиво добавил: «А в общем-то это одно и то же».

* * *

На таком-то фоне Каван и попытался добиться рассмотрения своего дела. Ко всеобщему удивлению, когда 25 февраля (за несколько недель до публикации списка журналистов) Министерство внутренних дел, наконец, дало свое заключение, оно оказалось СТБ-отрицательным. Когда Каван в сопровождении Петра Ула пришел в министерство получать свой сертификат (так сказать, свидетельство о стопроцентном здоровье), он услышал там от одной женщины, что целых две недели сотрудники министерства не говорили ни о чем другом, кроме как о его деле. Министерское начальство, рассказала она, дважды распорядилось заново проверить все данные, но обнаружить в картотеке имени Кавана так и не удалось.

Однако Каван радовался недолго. Всего двумя днями позже, 27 февраля, министр внутренних дел Лангош лично объявил на специально созванной пресс-конференции, что произошла крайне неприятная ошибка и что случай Кавана все же оказался СТБ-положительным — по категории В. Он объяснил, что инкриминирующая информация содержалась не в генеральной картотеке СТБ,

а в самом досье Кавана: по его словам, удалось расшифровать таинственное сокращение ДС, которое означало «секретный сотрудник/конфиденциальные контакты». Лангош объявил об увольнении председателя комитета, который ошибочно вынес обеляющее Кавана заключение.

В течение нескольких следующих дней Лангош дал еще несколько противоречащих друг другу объяснений случившейся скандальной ошибки. Тем временем Каван оказался единственным в стране обладателем сразу двух в равной степени обязывающих удостоверений — первое объявляло его СТБ-отрицательным, второе — СТБ-положительным. (В связи с этим мне пришло в голову, что его случай лучше всего сравнивать не с образами Кафки, а с реальным делом Дрейфуса, где государство буквально выворачивалось наизнанку, пытаясь доказать все более и более сомнительные обвинения.)

Каван, со своей стороны, немедленно опротестовал второе — положительное — заключение министерства в Независимой комиссии Башты, поскольку та была вправе заново пересматривать дела, проходящие по категории В. Он привел в свою защиту новые данные, говорящие о том, что рубрикация «секретный сотрудник/конфиденциальные контакты» появилась в языке СТБ только в 80-е годы, а ранее никогда не использовалась. Он начал формировать группу свидетелей, желающих выступить в его поддержку как в гражданском процессе, так и на слушаниях Независимой комиссии. Среди них был и Шоукросс, один из главных, если верить досье, объектов осведомительской деятельности Кавана. Несмотря на это, он был готов свидетельствовать в пользу Кавана. Хотя оба разбирательства обещали оказаться длинными и утомительными, Каван упрямо надеялся на восстановление своей репутации.

Тем временем его враги, явно обеспокоенные, что ему почти удалось ускользнуть, готовили контрнаступление. В этом им страшно помогло то обстоятельство, что всего через неделю, 5 марта, в Лондоне было объявлено решение Би-Си-Си, частично перечеркнувшее ее собственный вердикт от 1985 г. в пользу Кавана по его жалобе на

Мэниена и Телевидение "Темза" — первый такой случай в истории этой комиссии. Новое заключение комиссии по содержанию было довольно ограниченным. Отметив, что Каван, по его собственному признанию, был не до конца откровенен с комиссией во время первого слушания и, в особенности, отказавшись принять "то его объяснение, что сокрытие информации от комиссии оправдывалось необходимостью охранить безопасность других людей", комиссия аннулировала содержащиеся в ее первом вердикте порицания в адрес Мэниена, частично основанные на показаниях Кавана. В то же время комиссия отказалась вынести новое решение по всем претензиям Кавана — как за давностью лет, так и прежде всего потому, что, как говорится в ее заключении, Каван "однажды уже ввел комиссию в заблуждение, какими бы причинами это не вызывалось".

Такой исход очень обрадовал Мэниена, увидевшего в нем подтверждение достоверности своего старого репортажа. Он заверил меня, что язык нового вердикта Би-Си-Си ни в коей мере не был случайным: он основывался на многочисленных новых данных, включая доказательство, что в то время действительно существовала некая "секретная организация", занимавшаяся сбором средств и переправкой материалов. Каван и Тигрид входили в число ее руководителей, ее члены жили как в Чехословакии, так и за границей, имена и адреса многих из них действительно содержались в обнаруженном полицией списке подписчиков "Свидетельств" или в незакодированных письмах — правда, там *ничего* не говорилось об их связях с этой организацией. Как бы то ни было, был ли сам Каван осведомлен обо всех тонкостях своих контрабандных операций или нет, именно созданную им сеть Мэниен и имел в виду, говоря в своем репортаже о наличии "секретной организации" и ее "связных", или "контактов". "Можно было надеяться, что новые сведения раз и навсегда положат конец всей этой истории, но лично я в этом сомневаюсь, — сказал мне Мэниен. — Иметь дело с Каваном — это все равно что разбирать на части русскую матрешку: стоит вам прорваться

через какой-то уровень неточностей и обмана, под ним сразу же обнаруживается еще одна кричащая ложь, возможно, не столь значительная, как та, что ей предшествовала, но все-таки ложь, а не истина. Весь вопрос в том, захочет ли кто-нибудь добраться до самой последней куклы и посмотреть, что она из себя представляет". У меня возникло впечатление, что все это мало-приятное и запутанное дело стало сводиться к чисто семантическому спору о том, что же именно оба его главных участника имели в виду или подразумевали десять лет назад, используя такие термины как "секретная организация" и ее "связи".

Как бы то ни было, сведения из Лондона позволили Бенъямину Курасу начать одну из двух его убийственных статей, помещенных 9 марта в правом пражском еженедельнике "Респект" с сенсационного (хотя и ошибочного) утверждения, что Би-Си-Си только что объявила Кавана "виновным в лжесвидетельстве". Очень многие в Праге сразу приняли это утверждение за истину в последней инстанции; дело, однако, в том, что Би-Си-Си в силу своего статуса вообще не имела права выносить подобные обвинения, а ее подлинный новый вердикт по делу Кавана—Мэниена был куда более осторожным и сбалансированным.

Каван внезапно обнаружил, что попал в ловушку, причем отчасти по своей собственной вине. В Лондоне Мэниен и телестудия использовали предъявленные ему в Праге (и, возможно, фальшивые) обвинения в связях с СТБ в качестве одного из аргументов, убедивших Би-Си-Си пересмотреть ее первый вердикт. А теперь пражские недруги Кавана, в свою очередь, смогли использовать против него неправильно изложенный новый вердикт этой комиссии — и при этом с потрясающей эффективностью. Отныне когда бы Каван ни попытался опротестовать обвинения в сотрудничестве с СТБ, его враги могли немедленно возопить, что "даже британские суды" объявили его лжецом — что толку вообще слушать такого человека? Это была уже полная неразбериха — но такая, которую даже изумленные друзья Кавана называли "воплощением кавановщины".

Но и это было не всё. Когда Каван попал в столь затруднительное положение, за него одновременно взялась лондонская и пражская пресса. "Был ли чешский диссидент осведомителем секретной полиции?" вопрошал заголовок статьи Джона Суини, появившейся 8 марта в воскресном издании "Обсервера". ("Досье показывает, что целое поколение британских радикалов водили за нос", отвечал подзаголовок.) Хотя Суини начал статью более или менее беспристрастно и привел несколько неопровержимых показаний, вскоре он отказался от этой нейтральности. "Если на одной чаше весов — сочувствие к Кавану, то на другой — сотни страниц, содержащихся в досье Источника Като, сперва проходившем под номером 11777/307, а позднее перенумерованным в 12402/332, с которым удалось познакомиться "Обсерверу", писал Суини. Он добавил несколько позорящих Кавана деталей, например тот факт, что в его досье содержалась как минимум одна расписка в получении им денежной суммы, в данном случае, тридцати фунтов стерлингов ("цифры с библейским резонансом", не преминул намекнуть Суини).

Хуже всего, возможно, было то, что Суини сообщил о существовании видеозаписи, сделанной в конце ноября 1989 г., вскоре после "бархатной революции", на которой "Каван появляется в компании двух, судя по всему, знакомых ему офицеров СТБ". При этом, как отметил Суини, Каван тогда только что вернулся с заседания Гражданского форума. Каван за бутылкой шампанского говорит о резервировании места в гостинице; один из агентов предлагает вновь заказать для него номер на определенное число, а Каван отвечает "Нет, попозже". Правда, Суини привел утверждение Кавана, что всё это дело было подстроено. Но закончил он свою статью ссылкой на второй вердикт Би-Си-Си, аннулировавший свое первоначальное решение на том основании, что Каван скрыл от нее существенную информацию и тем самым ввел в заблуждение ее членов.

Статья Кураса, появившаяся в газете "Респект", была выдержана в том же духе, но содержала куда больше деталей. Обе статьи были так похожи, что многие сочли

их частью одной и той же скоординированной кампании. В связи с этим стоит заметить, что Суини в свое время работал для Телевидения "Темза", а несколько свидетелей в Праге заявили, что Курасу и Мэниену также доводилось сотрудничать. То досье, на котором основывались статьи Суини и Кураса, все еще считалось секретным и потому ни в коей мере не подлежащим разглашению, поэтому организация утечки находящихся там сведений технически должна была квалифицироваться как преступление; сам Каван не имел тогда его полной копии. Это не помешало заинтересованным лицам рыться в его содержании. Как заметил один наблюдатель, журналисты с нужными связями и нужной репутацией стали пользоваться архивами СТБ "как настоящим библиотечным абонементом". Когда я спросил одного из сторонников люстрации о правомерности таких утечек, он мне ответил, что государство должно защищать себя от притязаний тех, кто без всяких на то оснований заявляет о своей невинности.

Хотя "Обсервер", в конце концов, поместил и письменное опровержение Кавана, его протесты попали на страницы лишь двух чешских газет, да и то в предельно краткой форме: англоязычной "Пост" и бывшего органа компартии "Руде Право". "С какой стати мы должны сообщать об этом?", не раз доводилось мне слышать. "Он же пойманный за руку лжесвидетель". Еще больше приводит в замешательство тот факт, что ни одна чешская газета (опять же за исключением "Поста" и "Руде Право") не уделила особого внимания тому, что 18 марта была обнародована драматическая петиция в защиту Кавана, подписанная двадцатью пятью бывшими видными диссидентами, в которой они гневно протестовали против развязанной против него "кампании в средствах массовой информации", объявив ее "несовместимой как с принципами гражданской и журналистской этики, так и с принципами права".

Антикавановская кампания явно торжествовала: всю его жизнь вывернули наружу и прочесали вдоль и поперек в поисках доказательств его предательства. Хуже

всего было то, что, несмотря на явную недобросовестность многих посвященных ему публикаций, кое-какие сведения о нем крайне обескуражили даже его самых ревностных сторонников. Многочисленные копии с копий злополучной видеозаписи "допроса с шампанским" циркулировали повсюду. Мне тоже довелось просмотреть одну из них; хотя качество звука было неважным, вся сцена производила отталкивающее впечатление и, честно говоря, после этого мне было трудно принять любое простое объяснение случившегося, утверждающее безгрешность Кавана.

* * *

Я вновь встретился с Каваном, на этот раз в его кабинете. Мне хотелось добиться ясности относительно самых неприятных новейших обвинений, для начала выяснить историю с его денежными расписками, содержащимися в досье 1969-1970 гг.

"Неужели кто-то может всерьез думать, что я был способен предать друзей, идеалы, память отца за «тридцать фунтов стерлингов», как выражается Суини?, — спросил Каван. — Да, конечно, есть люди, которые этому верят, которые даже утверждают, что не обошлось и без других платежей, хотя досье содержит лишь две расписки. Возвращаясь к тому, что я уже говорил: да, я встречался с посольским атташе по вопросам образования. Я был руководителем Союза чешских студентов, и у меня поэтому были свои абсолютно законные расходы (например, на аренду зала для проведения собрания), за возмещением которых я обращался в посольство. Что же касается той расписки на тридцать фунтов, то Зайичек давал о ней показания на открытом судебном процессе по моему гражданскому иску — факт, не отмеченный ни в одной из всех этих недавно появившихся многочисленных статей".

Каван достал из ящика стола и протянул мне стенограмму показаний Зайичека. "Оказывается, его воспоминания отличаются от моих. Он утверждает, что данная

сумма компенсировала мои расходы по составлению пресс-бюллетеня, который я сделал в связи с тогда еще недавними самоубийством и похоронами Яна Палаха. Для меня-то это еще лучше, но мне все же кажется, что он ошибается. В отличие от меня, он не имел доступа к моему досье. Кроме того, речь идет о событиях, имевших место двадцать три года назад. Насколько я могу припомнить, тридцать фунтов были частичным возмещением тех денег, которые у меня незаконно конфисковали несколькими месяцами ранее, когда я хотел покинуть Чехословакию, чтобы возобновить занятия в Оксфорде. Но вот ключевое место в его показаниях: «В заключение я хотел бы добавить, что я никогда не пытался завербовать господина Кавана для любого сотрудничества с тайной полицией и, соответственно, никогда не получал от него устных или письменных обещаний относительно такого сотрудничества. Я ни разу не дал ему понять во время наших бесед, что у меня в посольстве есть и другие (связанные с деятельностью СТБ) функции. На деле я даже не имел права раскрываться перед Каваном — в противном случае я бы рисковал не только дисциплинарными санкциями, но и уголовным наказанием». И вот, посмотрите, другое место его показаний, где он объясняет особенности внутренней документации СТБ. Вот его собственные слова: «Досье, номера которых начинались с цифры 1, относились к "объектам, представляющим интерес". Что касается агентов, то номера их досье начинались с четверки. Как вы сами видите, номер досье господина Кавана начинается с единицы». Дальше он отмечает, что уже говорил об этом членам Комиссии 17-го ноября, но они предпочли оставить эту информацию без внимания. Так же поступили и все эти так называемые журналисты, включая Суини. Конечно, мои враги будут говорить, что бывший сотрудник СТБ Зайичек просто пытается прикрыть своего старого коллегу. Но ведь Зайичек давал свои показания в открытом суде и под присягой".

А как насчет знаменитой видеоленты, спросил я, добавив, что имел возможность ее просмотреть и нашел ее крайне озорочительной.

Прежде всего, — начал Каван, — по прибытии я отнюдь не был сразу же извлечен из очереди к паспортному контролю и уведен радостно ожидавшими меня офицерами СТБ, как сейчас утверждается в некоторых статьях. У меня есть свидетель — английский журналист, мой сосед по очереди. Когда я предъявил пограничнику свой паспорт, он стоял рядом со мной и видел, как меня только после этого отделили от очереди и увели — очевидно, прицепились именно к паспорту. Во-вторых, видеокамера работала на протяжении всех двенадцати часов моего допроса, и я хотел бы знать, где же эта запись. Если у них есть одна видеолента, должна быть и другая — почему же ее скрывают? Как я вам уже говорил, они допрашивали меня с явной враждебностью, и хотя в конце концов отпустили восвояси, велели никому не сообщать о нашей беседе. Я не подчинился этому требованию и уже на следующий день рассказал обо всем Петру Улу сразу после нашей встречи, как только мы успели обняться. Он всё это помнит, хотя, по его словам, в тот момент всеобщей эйфории его меньше всего занимали мои приключения и мои вопросы о том, как мне надлежит поступить в случае нового задержания, которое действительно имело место. Причем, что бы там ни писал Суини, это произошло отнюдь не сразу после того, как я вернулся с собрания Гражданского форума. Меня вытащили из постели в семь часов утра. Тут у меня тоже есть свидетель, портье — за мной приехали в гостиницу, посадили в машину и отвезли на виллу в Шестом районе Праги. Там меня допрашивали три человека, с одним из которых я, как утверждает Суини, был действительно «знаком» — он был среди тех, кто говорил со мной в здании аэропорта. Старшего в этой тройке, который преимущественно и вел допрос, я никогда до того не встречал».

Они усадили меня на кушетку, — продолжал Каван, — причем велели сесть в определенное место. Я сразу понял, что на меня наведена скрытая камера. Задумывался ли кто-нибудь, почему, если я был столь доверенным агентом, они так старались записать нашу

беседу на видеопленку? Как бы то ни было, на этот раз беседа была куда более дружеской, почти что сердечной. Власть уже ускользала из их рук, и наша беседа напоминала разговор генералов после битвы. Их старший держал перед собой толстое досье (вероятно, то самое, которое теперь исчезло); перелистывая его, он все время задавал мне разные вопросы, например о моих денежных делах. Казалось, что для них главная цель этой беседы состояла в том, чтобы произвести на меня впечатление своей осведомленностью, хотя, подумав, я мог бы объяснить происхождение почти всех их сведений. Однако они однажды упомянули одно событие, имевшее место в Лондоне, и тут я и вправду удивился — каким образом они могли о нем узнать?»

И вот, — рассказывал Каван, — в середине разговора один из них вдруг спросил что-то вроде: «Вам водки или шампанского?». Я мог бы возмутиться, устроить шум — но ничего этого я делать не стал. В конце концов, мне не для чего было обострять нашу беседу. Да и почему бы было не выпить бокал шампанского? Один из них даже поднял тост, что-то типа «За будущее!» Ничего особого я в этом не увидел. Кто же тогда не думал о будущем? Потом беседа перешла на мои собственные планы. Я сказал, что мне придется ненадолго отправиться в Лондон, но потом я непременно вернусь. Они всячески демонстрировали свою доброжелательность, предлагали мне содействие в устройстве. Я им подыгрывал — отчасти потому, что они все еще контролировали государственную границу, а я беспокоился за свое будущее возвращение, но также и потому, что у меня была нелепая надежда вытянуть из них сведения об их лондонских связях, например, спросив их, как они рассчитывают вступить со мной в контакт в Лондоне, чтобы узнать мои пожелания относительно будущего устройства. Да, я вел себя глупо. Но вот один мой знакомый, в прошлом тоже активист оппозиции, недавно рассказывал, что и он сам, и другие нередко пытались играть в такие же игры во время допросов. Как бы то ни было, из этого ничего не получилось».

Каван продолжал: "Видеозапись всей этой беседы находилась в сейфе Комиссии 17 ноября. Но на публику просочился только ее небольшой кусок — тот самый, который представляет меня в столь неловком положении. Однако некоторые члены парламента, включая Петра Ула, видели всю ленту. Он мне рассказал, что, когда я вышел в туалет, два парня из СТБ стали совещаться, оценивая мое представление, и один из них сказал другому что-то вроде: «Как бы то ни было, он и сейчас нас обманывает». Хотел бы я знать, почему же они не выдали на публику и это место в записи. Все это выглядит так нелепо!"

* * *

В один из моих последних дней в Праге я побывал в строгом белом здании современной постройки, где размещается Министерство внутренних дел. Сам Лангош в преддверии выборов упорно отказывался давать интервью. Но его заместитель Ян Румл согласился со мной встретиться. Это сын известного диссидента Иржи Румла, возглавлявшего Комиссию 17 ноября, и сам тоже ветеран оппозиции. Когда-то он играл важную роль в той секретной сети, которую создал Каван для распространения своих материалов, и потому оказался среди главных подследственных после печально знаменитого инцидента 1981 г. с перехватом автофургона. Ему пришлось тогда провести год в заключении. Мне было интересно узнать, в какой степени он винил Кавана (и винил ли вообще) за свои злоключения.

Приемная Румла была декорирована в соответствии со стандартным стилем коммунистических учреждений былых времен: массивная дверь, обитая искусственной кожей, диваны светлого дерева с оранжевыми валиками. Однако высокий сутулящийся молодой человек с безупречными манерами, вскоре вышедший встретить меня из своего кабинета, выглядел отнюдь не стандартно. Мне бы и в голову не пришло вообразить подобные интерьеры в личном кабинете важного чиновника службы госбезопасности любой страны мира: на каждой стене висели

большие, смелые и яркие абстрактные полотна. "Когда мои старые друзья пришли сюда ко мне в первые дни моего пребывания в должности, — улыбаясь, объяснил Румл, — и увидели, как мне было нелегко в этом унылом месте, они организовали кампанию по восстановлению бодрости моего духа". Румл с его округлой коричневой бородой, с его мятой зеленой курткой, надетой поверх черной футболки, куда естественней гляделся бы где-нибудь в Гринвич-Вилледж; что же касается его начальника Лангоша, то он со своей беспорядочно спадающей по плечам гривой черных волос мог бы свалиться прямо из Вудстока или Хейта. Впрочем, подумав, можно заподозрить, что это и есть новый восточноевропейский стандарт — явные хиппи, возглавляющие министерства внутренних дел. Однако эта внешность не должна вводить в заблуждение: те же самые хиппи почти поголовно восхищаются Рональдом Рейганом и Маргарет Тэтчер, а в разговоре постоянно ссылаются на Хайека и Милтона Фридмана. Румлу вскоре предстояло покинуть свой министерский кабинет, чтобы занять видное место в списке кандидатов от клаусовской Гражданской демократической партии на парламентских выборах.

Я спросил Румла, каково ему было, когда он только получил свою министерскую должность. "Это было ужасно, — сказал он. — Был апрель 1990 г., прошло лишь полгода после "бархатной революции", СТБ почти свободно управляла здесь всем, и вы это легко чувствовали. Большая часть ее аппарата все еще не была уволена. Моя первая задача состояла в том, чтобы разрушить организационные структуры СТБ. За прошедшие два с половиной года мы избавились от восьми тысяч старых работников."

Это означало, что он принадлежал к числу тех, кто обнаружил, собрал и сберег сохранившиеся картотеки и досье СТБ. Он приобрел поистине тягостный опыт, постоянно наталкиваясь при изучении различных списков на имена своих старых и доверенных друзей. "Все всегда было одинаково, — вспомнил Румл. — Я начинал с частных бесед с ними, и все они неизменно все отрицали. Я зарывался в архивы глубже, находил все необходимые

данные — подписи, расписки в получении денег и т.п. — и встречался с ними опять. В таких обстоятельствах люди ломались, с рыданиями признавались в прошлых грехах, приводили для себя разнообразные оправдания. Все это было страшно болезненным делом. Я даже установил, кто именно сыграл предательскую роль в провале той операции 1981 г., который привел и к моему аресту”.

Был ли это Каван?

“О, нет, у нас нет никаких данных о том, что Каван работал на них в то время, — ответил Румл. — Нет, это был не он. Предателем оказался один из самых доверенных наших соратников здесь, в Чехословакии, человек, подписавший Хартию-77, который и сам провел четыре года в заключении — в это время они, вероятно, его и доставили. Как оказалось, он работал на русских, на КГБ (на ряде ключевых документов в его досье стояли русские подписи), и это было его особое задание: проникнуть в нашу сеть и нарушить ее работу. Когда мы его выявили, он был членом парламента. После беседы с нами он подал в отставку и тихо ушел в частную жизнь. Как я уже сказал, все это было очень тяжело, но в этом было и облегчение, поскольку вплоть до этого открытия мы так и не знали, что же именно произошло, где не работала наша конспирация”.

А как насчет Кавана?

“Каван был тем человеком, который долгое время, особенно перед 1981 г., очень помогал нам в установлении контактов с внешним миром — как с эмиграцией, так и с нашими зарубежными доброжелателями. В то же время он всегда был очень противоречивой личностью”.

Хотя Румл и не был в восторге от кавановских тайных вояжей в Чехословакию в конце 80-х годов, он, по-видимому, не считал, что эти поездки или печально известная видеозапись давали серьезные основания для того, чтобы подозревать Кавана в запоздалой сделке с СТБ. Сам он не понимал и не одобрял методы Кавана, но это отношения к делу не имело — ему уже приходилось успешно сотрудничать с людьми, к которым он относился без всякого

почтения. По мнению Румла — человека, находящегося на высшем уровне системы безопасности и имеющего свободный доступ ко всем ее документам, дело Кавана в основном сводилось к вопросу о его поведении в 1969 и 1970 гг. “Тщательно изучив все относящиеся к этому делу данные, — заключил Румл, — я пришел к выводу, что Каван должен был знать, что в лице атташе по образованию он имел тогда дело с сотрудником СТБ. Не думаю, что эти контакты могли бы стать длительными, что бы там за ними ни стояло. Как вы знаете, этого атташе в конце лета 1970 г. отозвали в Прагу. Что касается Кавана, то он, возможно, какое-то время просто тешил себя мыслью, что ему удастся их перехитрить, переиграть на их собственном поле. Я знаю сотни подобных случаев. Не исключено, что это вообще самый распространенный мотив”.

Оправдывает ли дело Кавана применение к нему люстрации?

“На нем ярлык человека, сознательно сотрудничавшего с СТБ, — заявил Румл заметно более жестким тоном. — Лично я не придавал бы именно этому случаю особенно большого значения: согласно его досье, он не передавал им никакой существенной информации, ничего такого, что могло бы повредить другим людям. Но Комиссия 17 ноября пришла к заключению, что он пошел на сотрудничество, вполне отдавая себе в этом отчет, и если он теперь это отрицает, значит, он лжет, и именно по этой причине ему не место в Парламенте”. Румлу явно очень понравилась эта найденная им формула.

Однако, настаивал я, если вся его вина состоит в том, что он пытался переиграть СТБ...

“Я верю в то, что все, кто сотрудничал сознательно, должны подвергнуться люстрации, даже если они никому не причинили вреда, даже если они всего лишь надеялись перехитрить органы госбезопасности. Вам, американцам, трудно это понять — вы ведь не прожили четыре десятилетия под властью коммунистов. Прежний режим разрушительно действовал на всех. Мы все в большей или меньшей степени замараны им — даже те, кто

был в оппозиции. Мы сейчас пытаемся провести нечто вроде моральной дезинфекции, очистить общество от запятнавших себя людей. И один из используемых нами критериев, простой и понятный, как раз и состоит в отделении тех, кто сознательно сотрудничал с СТБ, от тех, кто этого не делал. Каван в этом повинен и, отрицая свою вину, он лжет; более того, придавая своему делу международную огласку, действуя так, как он действует, он подрывает международную репутацию своей страны, и в этом состоит еще одна причина, по которой он заслуживает люстрации".

* * *

"Это чепуха!" — с полной безапелляционностью заявила мне в своем кабинете заместитель Ула в Чехословацком агентстве новостей Зузана Блюх, когда я поделился с ней одной из услышанных мною гипотез относительно мотивов, побудивших Кавана пойти на контакты с Зайичеком. Блюх, элегантная темно-волосая улыбчивая женщина, предложила совершенно другую интерпретацию: Каван вступил в контакты с Зайичеком просто потому, что ему приказали это сделать. Будучи единственным членом руководства СВС, своего студенческого союза, постоянно проживающим в Великобритании, он получил из Праги, от исполнительного совета СВС, полномочия представлять чехословацких студентов, попавших в нелегкое положение после оккупации. Она знала это совершенно точно просто потому, что именно ей и велели передать ему это поручение.

"Это был 1969 год, и ситуация делалась все более критической, — вспоминала Зузана Блюх. — СВС вставал в открытую оппозицию к режиму, а режим готовился наложить на нас запрет. Отношения между нами и властями были очень напряжены. И в то же время мы были именно союзом студентов и в качестве такового должны были представлять их повседневные интересы. И вот тогда, весной 1969 г., — я помню это очень живо, поскольку эта была моя первая поездка на Запад, — я

привезла Яну Кавану все необходимые полномочия, чтобы основать отделение СВС в Англии и представлять там наших студентов. То же самое происходило в других местах. Я присутствовала на собрании чешских студентов, где Ян был избран председателем. Я помню, как после этого я сама предложила ему отправиться в посольство. Я объяснила Яну, что отныне он должен будет служить посредником между нашими студентами и посольским атташе по вопросам образования. Мне повезло, что у меня не нашлось времени посетить посольство самой, иначе, я уверена, теперь и меня внесли бы в список коллаборационистов. Вернувшись, он рассказал мне, что в посольстве он встретился с весьма доброжелательным дипломатом, по-видимому, разделявшим многие его взгляды. Поэтому-то Ян, встречаясь с ним в течение нескольких следующих месяцев, несколько раскрылся — велика важности!"

Читала ли она досье Кавана?

"Аа!, — воскликнула Зузана. — Запомните, что я вам сейчас скажу, и можете это опубликовать". До этого момента наша беседа вольно вилась между разными вещами, кое-что говорилось для печати, кое-что — нет. "Я хочу, чтобы это было напечатано, — повторила она. — С этим досье могли ознакомиться триста наших парламентариев. Одна его копия проникла в Англию, другие циркулировали в журналистских кругах здесь у нас, причем это было абсолютно противозаконно. По словам одного человека, ознакомившегося с кавановским досье (кстати, он нарушил закон о сохранении государственной тайны уже одним тем, что сообщил мне об этом), оно выглядит так. Впереди — оглавление, в нем указано и мое имя, третьим по счету. Видите ли, это не просто досье одного Кавана, туда вложены досье на различных людей, с которыми он общался, включая и меня. Обо мне там собран полный набор данных: с кем я встречалась, что ела, с кем якобы спала, и т.п. Одни агенты давали информацию, другие ее анализировали, и все эти сведения там собраны вместе. И вот как минимум триста человек, из которых я с многими незнакома, а многим

ни на йоту не доверяю, ловили кайф, роясь во всей этой куче, а мне самой даже не позволено туда заглянуть — закон это полностью запрещает, и я должна ждать, пока не прочту на страницах "Респекта" выжимки из своего досье, поданные без всяких объяснений и вне общего контекста".

Покачивая в изумлении головой, она продолжала: "Это просто потрясающе. Неслыханно. И отвратительно. И ко всему прочему, обо мне там сплошное вранье. Все, что они там накопили о моей личной жизни, — полная чушь. И если все прочее в этом досье столь же достоверно — ну, тогда..."

Ее голос дрогнул. "А у нас этому доверяют как священному писанию. Одни агенты изобретают всякие пакости, другие их изучают и вдоль и поперек анализируют, а все прочие потом воспринимают этот мусор как истину в последней инстанции. Вот что мы делаем сами с собой посредством этой идиотской люстрации".

* * *

В мой последний вечер в Праге я имел беседу с психотерапевтом Еленой Климовой, которую я тоже спросил о деле Кавана — она его встречала, когда они были еще студентами.

"Не думаю, чтобы он был хоть наполовину таким негодяем, каким его сейчас изображают, — начала Климова. — Полагаю, ему удалось сделать очень много полезного, но в то же время он постоянно совершал ужасные ошибки. Отчасти это вполне объяснимо: он делал крайне трудную и опасную работу, и это при полном отсутствии опыта и специальной подготовки. Люди забыли, что его же было совершенно некому учить. Большая часть его друзей осталась здесь. Он был полностью предоставлен сам себе. К тому же это человек с не вполне стабильной психикой, отчасти из-за печальной истории его отца. Мне кажется, он в каком-то смысле считал себя обязанным продолжить дело отца, которого он, к тому же, непомерно идеализировал. Он делал все,

что мог, но дотянуться до своего кумира не мог — и все же продолжал пытаться, идя для этого на все больший и больший риск. Так он приобрел способность совершать и героические дела, и трагические ошибки — это сделало его довольно опасной личностью".

"Еще в наши студенческие времена, — продолжала Климова, — его съедал этот внутренний конфликт. Он относится к тем людям, которым свойственно проектировать свой душевный хаос на окружающее общество. Быть может, главная причина тех тревожений, которые это дело вызвало в Чехословакии, в том и состоит, что наше нынешнее общество само явно и очевидно иррационально".

Я спросил Климову, что она в этом контексте думает о процессе люстрации в целом.

"Первоначально все мотивировалось, как мне кажется, здоровым чувством восстановления нарушенной справедливости, — ответила Климова. — Однако эту возможность добиться подлинной справедливости мы упустили, и теперь пытаемся копировать ее посредством люстрации. В начале все думали одинаково: мы алкали справедливости, но в то же время мы ни в коем случае не хотели уподобиться коммунистам. Мы хотели услышать от них слова сожаления или раскаяния, что-то вроде исповеди, после которой мы могли бы их простить. Я думаю, мы и хотели простить. Но прощение пришло слишком скоро. Люди на самом верху, такие как Гавел, чешский премьер Питхарт, министр иностранных дел Динстбир, были слишком нетерпеливы. Они заблокировали различные попытки провести поголовную чистку: ну как же, мы ведь не собираемся уподобиться всем им! И тогда коммунисты перестали исповедоваться в грехах, даже не успев начать это делать. Вместо этого они стали превозносить свои достижения, скажем, в экономике. Они потеряли всякий стыд. И тут уж люди рассердились и стали прислушиваться к призывам о возмездии".

В комнате делалось все темнее. В сумерках я едва мог различить Климову.

"То, что случилось потом, можно сравнить с поведением невротика, — продолжала она. — Такие вещи могут происходить, если человек ставит перед собой невозможную цель, и тогда ее достижение заменяется эрзацами, как, например, при булимии. В нашем случае мы громоздим одни списки на другие, но все это ни к чему не ведет, ибо что можно сказать об их так называемой генеральной картотеке осведомителей? Не в том ли заключается дело, что составители списков не включили в них собственных имен? Это фальшивка. Первоначальный порыв был обоснованным и заслуживающим серьезного отношения. Но этого не произошло, и вместо подлинной справедливости мы получили ее эрзац".

В комнате наступила почти полная темнота, ее нарушали только слабые отсветы уличных фонарей.

* * *

"И в центре всего этого оказался Каван, — закончила Климова. — Каван, с его неистребимой склонностью к осложнениям и саморазрушению. Это выглядит так, как будто бы Каван и общество пожирали друг друга". Она вздохнула, собираясь с мыслями. "Знаете, Кавану не нужно было бы лезть в политику, она не для людей его типа. Я знаю, что жестоко так говорить, поскольку политика была основой всего его существования. Это почти трагедия, но все же — ему не следует участвовать в общественной жизни".

* * *

А будущее было полно неясностей. Политическая жизнь Кавана в любом случае заканчивалась. Ни одна партия не пригласила его баллотироваться по ее спискам на приближающихся выборах. Подобного никто не мог бы себе позволить. Все были уверены, что такой шаг сразу обрек бы любую партию на поражение. Каван угрюмо наблюдал за предвыборной кампанией.

Утечки имен из списков продолжались. По рукам ходили все более "полные" варианты этих списков, до тех пор пока общее количество называвшихся имен не переросло за 150 тысяч. Дело Кавана, ни в коей мере не будучи единственным в своем роде, символизировало масштабы этой национальной драмы. В Словакии стратегия люстрации оказалась абсолютно недейственной. В заключительной фазе избирательной кампании уже казалось, что чем больше противники Владимира Мечияра обвиняли его в прошлых связях с СТБ, тем выше поднималась его популярность среди словацкого населения, уже уставшего от всех ужасов, которые нагнетали чехи. В итоге силы Мечияра одержали на выборах триумфальную победу. С другой стороны, в чешских землях люстрация оказалась на удивление эффективной. Практически никто из прежних диссидентов не был избран в новый состав парламента. Умеренная социал-демократическая фракция, возглавлявшаяся Динстбиром и Питхартом (как считали, ее сентиментально поддерживал официально нейтральный Гавел) не смогла собрать даже минимума в 5% голосов, необходимого по закону для прохождения в Парламент. (В последние дни избирательной кампании противники Динстбира весьма изобретательно рисовали на его плакатах кружок вокруг букв "стб" в его фамилии.) Пятипроцентный порог оказался не под силу и для правой группы ОДС Павла Братинки, по крайней мере на федеральном уровне. Причина была не в том, что его пытались замазать предполагаемыми связями с СТБ, а скорее в том, что все его заслуги в оппозиционном подполье уже никого не интересовали, в частности, и из-за его поддержки люстрационной кампании. Уж если избиратели стали склоняться в сторону полномасштабного капитализма, им куда больше должны были импонировать партия и личность Клауса, что бы там он ни делал до победы революции. Более того, растущая поддержка Клауса в Чехии и Мечияра в Словакии привела к тому, что чем сильнее каждый из них выгладел у себя дома, тем более привлекательным казался

его оппонент своим собственным избирателям, считавшим его единственной надежной опорой против соседского лидера. Поэтому на выборах 5 и 6 июня выиграли именно Клаус и Мечияр, несмотря на всю несовместимость их политических программ.

После этих выборов страна встала на путь распада. Гавел не мог этому препятствовать, и потому подал в отставку с поста президента. Клаус и Мечияр договорились о разделе федерации с 1 января 1993 г. на два независимых государства. После победы Мечияра с люстрацией в Словакии было в основном покончено. Тем временем партия Клауса предприняла решительные шаги для закрепления своей победы и обретения полного господства в Чехии: Петр Ул был уволен с поста генерального директора Чехословацкого агентства новостей, Ян Румл получил портфель министра внутренних дел, Мирослав Мацек стал заместителем главы федерального правительства и быстро оказался в центре публичного скандала, вызванного обвинениями в том, что он использовал свою должность для личного обогащения.

А Каван продолжал крестовый поход, все еще пытаясь восстановить свою репутацию. Я регулярно получал от него по факсу сообщения с до безумия детальными описаниями всех перипетий его борьбы за самооправдание. Он теперь занимался этим с теми же методичностью и упорством, какие он раньше проявлял, помогая другим людям. Мне уже было ясно, что противникам Кавана удалось эффективно нейтрализовать его усилия. Его гражданский иск не двигался с места, постоянно увязая в различного рода правовых и процедурных сложностях, так что Каван все больше и больше возлагал свои надежды на Башту и его Независимую комиссию. Однако и там решение постоянно отодвигалось, хотя правила требовали вынесения окончательного вердикта в двухмесячный срок. Башта лично распорядился, чтобы Министерство внутренних дел предоставило комиссии ряд ключевых документов, но они так и не были получены.

Наконец, Кавану предложили самому предстать перед комиссией Башты 15 сентября — это была вообще первая его возможность лично дать формальные показания по своему делу. Он крайне тщательно подготовил свое выступление и, как было велено, явился в назначенный день к половине девятого утра. Однако сами члены комиссии не собрались к сроку не только в полном, но и в минимально необходимом составе — для кворума недоставало одного человека. В итоге слушания по делу Кавана, самому противоречивому из всех дел подобного рода, удалось открыть только около одиннадцати, когда появился еще один запоздавший член комиссии. Каван немедленно начал выступление в свою защиту, но закончить его ему не удалось: другой член комиссии сообщил, что ему необходимо покинуть заседание, так что слушания пришлось отложить.

Сам Башта, судя по всему, уже больше не сомневался в невинности Кавана. В частности, как он отметил, его уверило в этом то обстоятельство, что таинственная пометка "ДС" была в конечном счете найдена только на досье Кавана и нигде больше. Что бы она ни означала, ее нельзя было считать знаком какой-то специальной категории. Он несколько раз пытался объяснить младшим членам комиссии все тонкости жизни оппозиции в 1969 и 1970 гг., приходя во все большее отчаяние от тщетности своих усилий. С их точки зрения, дело было кристально ясным: Каван доказал свою вину уже одним тем, что просто находился в одной комнате с коммунистическим дипломатом. Все дело выглядело безнадежно политизированным, а рассматривавшие его члены комиссии ни в коей мере не были склонны к беспристрастности.

Когда я заканчивал эту статью, стало известно, что Независимая комиссия планирует назначить на 16 октября новое слушание дела Кавана с его участием, хотя никто не мог гарантировать, что удастся собрать кворум. Многие наблюдатели подозревают, что комиссия будет тянуть с этим делом до января, когда она, как и прочие органы федерального правительства, будет распущена.

Тем временем Башта решил передать на рассмотрение парламента все дела о люстрации людей, проходящих по категории В (включая и "микрокатегорию" ДС). По его мнению, все эти дела должны быть аннулированы. Будучи не в состоянии очистить Кавана непосредственно через решение своей комиссии, он, по видимому, надеется помочь ему вывернуться посредством этой технической процедуры. Каван, разумеется, хотел бы добиться прямого заключения по своему делу — он настаивает, что имеет на это полное право.

Обо всем этом Каван недавно рассказал мне по телефону. Казалось, он уже потерял всякую надежду. Я спросил, почему он продолжает заниматься этим делом; к чему безуспешно биться головой о стенку? До меня дошел его далекий вздох. "Я делаю это ради моих детей, — сказал он наконец. — Ради моей новорожденной дочки Моника, ради моей живущей в Англии семнадцатилетней Кэролайн, ради моего одиннадцатилетнего Майкла, который живет в Праге. Для меня крайне важно то, что они думают или будут думать обо мне. И хотя я не думаю, что они когда-либо смогут поверить тому, что я работал осведомителем, я не могу сказать того же об их друзьях, а моим детям это будет неприятно. Видите ли, я хорошо разбираюсь в таких вещах. Я сегодня борюсь не столько за сердца или умы моих детей, сколько за их душевное спокойствие".

Лоуренс Вешлер

ОТ КАФКИ К ДРЕЙФУСУ

Несколько недель назад герой моей недавней статьи "Бархатная чистка" Ян Каван все еще дожидался решающих слушаний по своему делу. Каван, один из ветеранов чешской политической эмиграции, с триумфом вернулся в Прагу в ноябре 1989 г. и был позднее избран в федеральный парламент. Однако уже через несколько месяцев его объявили многолетним агентом СТВ — службы государственной безопасности при коммунистическом режиме. Его дело стало символом массовой истерической охоты на ведьм, которая охватила Чехословакию. Большую часть своих надежд на оправдание Каван возлагал на процесс, именуемый люстрацией. Он свято верил, что честное и беспристрастное изучение архивов СТВ, якобы содержащих инкриминирующие его сведения, продемонстрирует его полную невиновность. К началу осени ему удалось добиться рассмотрения своей жалобы в так называемой Независимой комиссии, в обязанности которой входил разбор случаев той группы, к которой было отнесено его дело. Это произошло уже после того как посткоммунистическая юриспруденция успешно отбила другие его попытки подобного рода. Независимость этой комиссии казалась сомнительной, отношение ее членов к делу Кавана было безнадежно политизированным. Все же он надеялся на минимально беспристрастные слушания. Но назначенное на утро 15 сентября заседание по его делу было прервано из-за невозможности обеспечить кворум и перенесено на 16 октября.

Каван, как ему и было назначено, явился на это второе заседание (на следующий день он информировал меня об этом по факсу). Однако ему сообщили, что никакой

* *Lawrence Weschler. From Kafka to Dreyfus. The New Yorker magazine, Nov. 2, 1992*